

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ
И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

**The Russian
Academy of Education**

**Liberal Arts
University**

**Center for
Comprehensive Issues
of Psychological Security**

DIGITALIZATION AND CHALLENGES OF ENSURING PSYCHOLOGICAL SECURITY

Proceedings of the V Regional Scientific
and Practical Conference of Young Scholars

Yekaterinburg
Liberal Arts University – University for Humanities
2024

**Российская академия
образования**

**Гуманитарный
университет**

**Центр комплексных
проблем психологии
безопасности**

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

**Материалы V региональной научно-практической конференции
молодых ученых**

**Екатеринбург
Гуманитарный университет
2024**

УДК 316.6:004

ББК 88.5

Ц 75

Рецензенты:

д-р психол. наук, доцент, профессор кафедры организации
работы с молодежью Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

И. С. Крутько;

канд. психол. наук, педагог-психолог,
ФГКОУ «Екатеринбургское суворовское военное училище»
Министерства обороны Российской Федерации (Екатеринбург, Россия)

И. П. Попова

Ц 75

Цифровизация и вопросы обеспечения психологической
безопасности : материалы V региональной научно-практиче-
ской конференции молодых ученых, 5–6 декабря 2024 г. – Ека-
теринбург : Гуманитарный университет, 2024. – 137 с.

ISBN 978-5-7741-0463-5

Пятая региональная научно-практическая конференция мо-
лодых ученых «Цифровизация и вопросы обеспечения психоло-
гической безопасности» позволила репрезентировать результаты
научно-исследовательской работы студентов, аспирантов, молодых
ученых. В сборник вошли материалы, посвященные современным
теоретическим и методологическим аспектам изучения проблем без-
опасности, исследованию рисков психологической безопасности в
условиях внедрения цифровых технологий, обеспечению психологи-
ческой безопасности личности в цифровой среде, изучению психоло-
гических проблем социального взаимодействия в различных сферах
жизнедеятельности человека.

Рекомендуется специалистам в области социальной психологии,
социально-гуманитарных наук, а также аспирантам, магистрантам,
специализирующимся в области гуманитарного знания.

УДК 316.6:004

ББК 88.5

ISBN 978-5-7741-0463-5

© Гуманитарный университет, 2024

© Российская академия образования, 2024

V региональная научно-практическая
конференция молодых ученых

5–6 декабря 2024 г.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Организаторы конференции

Российская академия образования (г. Москва)
Центр комплексных проблем психологии безопасности
(г. Екатеринбург)
Факультет социальной психологии Гуманитарного университета
(г. Екатеринбург)

Программный комитет

Сопредседатели:

О. Ю. Зотова,

доктор психологических наук, доцент,
декан факультета социальной психологии
Гуманитарного университета,
профессор кафедры социальной психологии
Гуманитарного университета, руководитель Центра комплексных
проблем психологии безопасности РАО

Л. В. Тарасова,

кандидат психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общей и прикладной психологии,
заведующая лабораторией психологического практикума
и психодиагностики факультета социальной психологии
Гуманитарного университета, руководитель исследовательской группы
Центра комплексных проблем психологии безопасности РАО

V Regional Scientific and Practical Conference
of Young Scholars

5–6 December 2024

DIGITALIZATION AND CHALLENGES OF ENSURING PSYCHOLOGICAL SECURITY

The Conference is organized by

Russian Academy of Education
Center for Comprehensive Issues of Psychological Security (Yekaterinburg)
Social Psychology department
of Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Program Committee

Co-chairs:

O. Yu. Zotova,

Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Dean of Social Psychology Faculty
of Liberal Arts University – University for Humanities, Prof. at Social
Psychology chair of the Faculty of Social Psychology of Liberal
Arts University – University for Humanities, Head of the Centre for
Comprehensive Issues of Security Psychology
of the Russian Academy of Education

L. V. Tarasova,

Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Head of General and Applied
Psychology chair, Head of the Laboratory of Psychological Workshop
and Psychodiagnostics, Faculty of Social Psychology of Liberal Arts
University – University for Humanities, Head of Research Group
in the Centre for Comprehensive Issues of Security Psychology
of the Russian Academy of Education

Содержание

<i>Апанович Т. М.</i>	
Понятие «травма» и психологическая безопасность матерей с установками на интенсивное родительство	9
<i>Бурмако А. К.</i>	
Развитие мировоззрения старшеклассников в процессе изучения основ безопасности и защиты Родины	16
<i>Григорян Э. А.</i>	
Риски и вызовы психологической безопасности в цифровую эпоху	22
<i>Загвозкина Е. Д.</i>	
Феномен благодарности у студентов	31
<i>Зеленцов Я. В.</i>	
Социально-психологический аспект роли социальных сетей в жизни детей и молодежи	40
<i>Коробов И. С.</i>	
Психологические факторы, влияющие на эффективность адаптации государственных гражданских служащих	50
<i>Ледянкина Е. Е.</i>	
Ложь как ресурс психологической безопасности подростков в цифровой среде	64
<i>Матвеева М. В.</i>	
Эмоциональная безопасность подростков в цифровой среде	69
<i>Никонова О. С.</i>	
Новые сущности цифрового мира: цифровые двойники, симулякры, агенты	76
<i>Рачёва К. А.</i>	
Искусственный интеллект: возможности и риски	83
<i>Рычков А. М., Степанов С. В.</i>	
Социальные представления о деньгах городских жителей молодого возраста	90

<i>Селиванов А. Е.</i>	
Изучение психологической безопасности в рамках цифровой трансформации общества.....	98
<i>Филоненко Е. А.</i>	
Использование видеоигр в целях психологической безопасности в цифровой среде для обучающихся средних школ (на примере видеоигры Sky: Children of the Light)	110
<i>Шафигуллин Р. Р.</i>	
Теория запланированного поведения в контексте психологии безопасности труда	121
<i>Эльдиев Х. Х.</i>	
Техники нейтрализации как способы оправдания преступного поведения	127
<i>Участники V региональной научно-практической конференции молодых ученых</i>	
«Цифровизация и вопросы обеспечения психологической безопасности»	134

CONTENTS

<i>Apanovich T. M.</i>	
The Concept of Trauma and Psychological Security of Mothers with Attitudes towards Intense Parenting.....	9
<i>Burmako A. K.</i>	
Development of the High-school-students' Worldview in Studying the Basics of Security and Protection of the Motherland.....	16
<i>Grigoryan E. A.</i>	
Risks and Challenges of Psychological Security in the Era of Digitalization.....	22
<i>Zagvozkina E. D.</i>	
The Phenomenon of Gratitude among Students	31
<i>Zelentsov Ya. V.</i>	
The Socio-psychological Aspect of the Role of Social Media in the Youth and Adolescents' Lives	40
<i>Korobov I. S.</i>	
Psychological Factors Influencing the Effectiveness of Adaptability of State Civil Servants	50
<i>Ledyankina E. E.</i>	
Lie as a Resource for Psychological Security of Adolescents in the Digital Environment.....	64
<i>Matveeva M. V.</i>	
Emotional Security of Adolescents in the Digital Environment	69
<i>Nikonova O. S.</i>	
New Entities of the Digital World: Digital Twins, Simulacra, Agents	76
<i>Rachyova K. A.</i>	
Artificial Intelligence: Possibilities and Risks	83
<i>Rychkov A. M., Stepanov S. V.</i>	
Social Perceptions of Money among Young Urbanites	90

<i>Selivanov A. E.</i>	
Studying Psychological Security within the Context of the Digital Transformation of Society	98
<i>Filonenko E. A.</i>	
The Use of Video Games for Psychological Security in the Digital Milieu for Middle Schoolers: By the Example of the Game <i>Sky: Children of the Light</i>	110
<i>Shafigullin R. R.</i>	
The Theory of Planned Behavior in the Context of Occupational Security Psychology	121
<i>El'diev Kh. Kh.</i>	
Neutralization Techniques as Ways to Justify Criminal Behavior.....	127
<i>Participants of the V Regional Scientific and Practical Conference of Young Scholars</i>	
«Digitalization and Challenges of Ensuring Psychological Security».....	134

Понятие «травма» и психологическая безопасность матерей с установками на интенсивное родительство

Сведения об авторе: Апанович Татьяна Михайловна, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград, Россия).

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена спецификой социокультурных преобразований моделей родительства и семьи в условиях глобальных рисков и вызовов современности. В материале обсуждаются основные подходы, теории и дискуссионные вопросы изучения психологической травмы, травматизации, родительских стрессоров в свете развития у матерей младших школьников эмоционального выгорания, обусловленного установками на интенсивное родительство. Предпринята попытка разграничения понятий «адаптация», «травма», «стресс», «утрата». Анализируются последствия неоправданно расширенного употребления термина «травма» в повседневном родительском и психолого-педагогическом контексте. Отражен взгляд автора на психологическую небезопасность матерей, придерживающихся установок интенсивного родительства.

Ключевые слова: интенсивное родительство, родительский стресс, психологическая травма, психологическая безопасность, младшие школьники, эмоциональное выгорание матерей.

Проблема обоснования необходимости изучения психологии современной российской семьи и родительства выступает особенно остро на фоне отмечаемой социологами тенденции к депопуляции и возрастанию доли старшего поколения на демографической карте России. Что, по мнению ряда авторов

(А. И. Антонов, Л. Б. Шнейдер, Т. К. Ростовская, О. А. Золотарева, А. Б. Синельников и др.), обусловлено глобальной трансформацией социальных моделей жизнеустройства, дезинтеграцией и распадом общественных связей, всеохватывающей цифровизацией и индивидуализацией, способствующих замене семейноцентризма эгоцентризмом, ослабляющим так называемое триединство «супружество – родительство – родство» [2], категориально отличающее семейные отношения от прочих форм социального взаимодействия. Всё возрастающие антисемейные и чайлдфри настроения общества представляют интерес в фокусе получивших распространение в последние десятилетия установок на интенсивное родительство [1]. Данная семейная концепция, изначально возникшая в западных индивидуалистических обществах, на сегодняшний день носит кросс-культурный характер, провозглашая трудность родительства, ориентированного на первоочередное удовлетворение потребностей ребенка, воспитываемого по типу «кумира семьи», с преобладанием идей эссенциализма, детоцентризма, стимуляции раннего и всестороннего развития с неизбежным уклоном в сторону чрезмерного потребительства. Те риски, которым подвергается психологическая безопасность матери и ребенка, взаимодействие которых строится в соответствии с установками на интенсивное родительство, рассматриваются нами в аспекте формирования психологической устойчивости к родительскому стрессу и предотвращению развития эмоционального выгорания у матерей младших школьников.

В ходе экспериментальной работы, выполненной в рамках проведения диссертационного исследования, нами выявлены наиболее значимые в субъективной картине восприятия матерей с эмоциональным выгоранием родительские стрессоры, что существенно раскрывает и дополняет содержательную сторону шкалы «Родительские стрессоры» в изучении родительского стресса у матерей младших школьников [3].

Таблица 1

Родительские стрессоры

№ признака	Родительские стрессоры
1	Не садится за уроки
2	Эмоционально неустойчив(-а), с перепадами настроения
3	Мать срывается на крик, так как ребенок выводит ее (делает назло)
4	Учитель жалуется на успеваемость
5	Зависим(-а) от телефона (сложно отвлечь, отобрать, ограничить, установить «Родительский контроль» и пр.)
6	Сложно строго запрещать что-либо, вдруг ребенок будет психологически травмирован
7	Отвлекает мать от рабочих дел, не дает сосредоточиться
8	«Тупит», не понимает д/з и приходится сидеть, объяснять
9	Грубит (дерзит, хамит, не отвечает и т. п.) матери
10	Не выдерживает конкуренции, завистлив(-а), обидчив(-а)
11	Ребенка оценивают не по заслугам (судьи, жюри, тренер...)
12	Плохо себя ведет в школе (на уроке, на перемене, после занятий и пр.)
13	Является жертвой буллинга (ребят из класса, со двора и др.)
14	Ссорится и/или дерется с сиблингом(-ами)
15	Волнуется (тревожится, агрессивует, истерит) на соревнованиях, выступлениях, конкурсах, не может принять поражение и др.
16	Низко оценивает свои возможности, способности, таланты, неамбициозен(-а), довольствуется малым

Среди выделенных признаков-дескрипторов, релевантно отражающих когнитивно-фреймовые представления 55 матерей о ситуациях повседневного родительского стресса (проранжированы снизу вверх в порядке возрастающей значимости (табл. 1)), особое внимание в свете рассматриваемой проблемы безопасность-небезопасность в условиях неопределенности и рисков хотелось бы уделить родительскому стрессору, формулируемому

как «Сложно строго запрещать что-либо, вдруг ребенок будет психологически травмирован». В реальной жизни за данной формулировкой скрывается целый кластер фрустрационных переживаний матерей, выбирающих «общение с ребенком на равных», тем самым лишая себя регуляторных полномочий в семейной системе, нарушая иерархию и размывая границы семейных подсистем. По факту, данный «вклад» матерей в психологическую безопасность ребенка зачастую оборачивается нравственной дезориентацией формирующейся личности, нарушением волевой регуляции, эмоциональной лабильностью, эгоцентризмом, инфантилизмом, нарушением адаптационных возможностей.

Страх родителей психологически травмировать ребенка связан с широко распространившейся в популярной психологии идеей травматизации. Чаще всего использование термина «травма» в данной литературе подразумевает некое превышение адаптационных возможностей психики, перегрузку, слом. Эти представления вошли в обыденные представления о психическом в результате развития психодинамической теории защиты организма от внешних раздражителей и положения концепции физиологического стресса Г. Селье, рассматривающие приспособление к воздействию стрессоров через переживание реакций неспецифического возбуждения. Это привело к использованию понятий «травма», «стресс», «травматический стресс», «стрессор», «травматическая ситуация», «кризисная ситуация», «кризис» и др. как взаимозаменяемых. Однако в сугубо клиническом подходе, позволяющем квалифицировать посттравматические стрессовые последствия, а также адекватно описывать состояние вхождения (чаще всего неожиданное) – пребывания – выхода из травматической ситуации, непосредственно связаны с понятием экстремальности, упускаемого из виду в трактовках повседневного воспринимаемого стресса и потому требующего особого внимательного рассмотрения.

Формалистский подход к определению экстремальной ситуации, построенный, как отмечается, на факторе экстенсивности [4], интерпретирует экстремальность как экстраординарный инцидент, чрезвычайное происшествие, катаклизм, бедствие и пр.

Одним из категориальных признаков экстремальности считается чрезмерный, в высшей степени интенсивный характер воздействия ситуации на человека, несущий угрозу деструкции и актуализирующий мотивацию выживания. Травматичность, понимаемая таким образом, уточняется посредством присоединения к понятию «ситуация» определений: «травматическая», «экстремальная», «катастрофическая», «экстраординарная», «катаклизмическая», «выходящая за пределы обыденного существования» и т. д.

В метапсихологическом подходе [5] к психической травме относится вся психологическая проблематика, спровоцированная психологическими конфликтами различного генеза, а также фрустрациями, возникшими на пути к удовлетворению жизненно важных потребностей. Здесь следует четко отграничивать проблематику, связанную с необходимостью приспособления к требованиям окружающей среды, вопросы психической адаптации и расстройства адаптации, имея в виду и позитивные последствия стресса, оказывающие конструктивное влияние на деятельность субъекта, от собственно психотравматических феноменов, связанных с переживанием гибели и угроз гибели, также включающих последующий опыт психологической трансформации травмы и возникновения активной позиции в утверждении потребности в безопасности, формирования жизнестойкости, мужества, героизма, а также солидарности, помощи [6]. Отдельно в данном ряду рассматривается травма утраты, что не отменяет присутствия в ее концептуальном поле интегральной семы экстремальности как угрозы небытия, несовместимой с течением обыденного жизненного контекста.

Проведенный нами небольшой теоретический анализ подталкивает к выводу о том, что на сегодняшний день понятие «психологическая травма» неоправданно расширено и подчас неправомерно замещает такие понятия, как «стресс», «адаптация», «фрустрация», «дискомфорт» в популярной психологической, психолого-педагогической литературе, а также в представлениях о психологических феноменах у матерей, стремящихся к

«правильному материнству» с ориентацией на «детоцентризм», характерный для концепции интенсивного родительства. Это создает угрозу психологической безопасности самой матери, из лучших побуждений подкрепляющей подчас расторможенное и неуправляемое поведение ребенка.

Список литературы

1. Акинкина Я. М. Понятие «интенсивного родительства» в зарубежной литературе // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 2. С. 117–122.
2. Антонов А. И. Демографическая ситуация в стране: проблемы, перспективы // Демография и глобальные вызовы : сборник статей III Международного демографического форума (г. Воронеж, 23–25 мая 2024 г.) : в 3 т. / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2024. Т. 1. С. 36–40.
3. Апанович Т. М., Серых А. Б. Интегративная модель преодоления эмоционального выгорания у матерей младших школьников // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/57PDMN524.pdf> (дата обращения: 04.12.2024).
4. Магомед-Эминов М. Ш. Определение экстремальной ситуации // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 1. С. 13–24.
5. Магомед-Эминов М. Ш. Психология уцелевшего // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. 2005. № 3. С. 3–19.
6. Шмелева Е. А., Кисляков П. А., Дашевский А. Р. Влияние жизнестойкости на психологическую безопасность пожарных-спасателей // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2024. Т. 10, № 3. С. 128–143.

The Concept of Trauma and Psychological Security of Mothers with Attitudes towards Intense Parenting

About the author: Apanovich Tatiyana Mihailovna, an applicant for a Cand. Sci. in Psychology degree, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

Abstract. The relevance of the issue under discussion is determined by the specific nature of socio-cultural changes in parenting and family structures in the face of today's global risks and challenges. The paper discusses the main approaches, theories, and controversial issues of studying psychological trauma and parental stressors in light of the development of emotional burnout among mothers of primary school children, caused by the demands of intense parenting. The author attempts to distinguish between such notions as trauma, stress, loss. The consequences of the overuse of the term trauma in parenting and psychological-educational contexts are analyzed. The article reflects the view of the author on psychological insecurity of mothers who stick to the setups of intense parenting.

Keywords: intense parenting, parental stress, psychological trauma, psychological security primary school children, mothers' emotional burnout.

Развитие мировоззрения старшеклассников в процессе изучения основ безопасности и защиты Родины

Сведения об авторе: Бурмако Андрей Константинович, аспирант 3-го года обучения направления «Общая психология, история психологии и психология личности» кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Аннотация. В тезисах раскрываются понятие, виды, уровни мировоззрения и его отношение к изучению основ безопасности и защиты Родины. Определена необходимость психологической и педагогической поддержки развития мировоззрения старшеклассников, изложено содержание предмета «Основы безопасности и защиты Родины», который способствует развитию мировоззрения старшеклассников. В результате анализа образовательной программы «Основы безопасности и защиты Родины» определены возможности развития научного, экологического, информационного мировоззрения старшеклассников. Представлены возможности формирования жизненных взглядов, ценностей, убеждений, представлений об окружающем мире при изучении данного курса.

Ключевые слова: мировоззрение, жизненные взгляды, ценности, убеждения, представления, безопасность, защита, старшеклассники.

Под мировоззрением понимают систему взглядов, убеждений, установок, ценностей, жизненных принципов и целей личности, ее отношение с окружающей действительностью и представление о мире в целом [8]. Выделяют виды и уровни мировоззрения. К видам относят мифологическое, религиозное,

научное, философское, информационное, гуманистическое и стохастическое мировоззрение [3; 5]. К уровням мировоззрения относят обыденное и теоретическое [4], общественное и индивидуальное [3]. Мировоззрение является частью личностных образований, формируется и изменяется под воздействием жизненного опыта человека [2].

Для старшеклассников характерно активное становление ценностных позиций в условиях постановки жизненных целей. Задачей психологической и педагогической работы по развитию мировоззрения старшеклассников является поддержка в формировании представлений об окружающем мире, жизненных взглядов, принципов, ценностей и целей, способствующих успешной адаптации субъектов во взрослой жизни [1; 6; 7]. Это заставляет педагогов и психологов старшей школы уделять особое внимание развитию мировоззрения при изучении школьных курсов.

Универсальным для развития разных сторон мировоззрения является курс «Основы безопасности и защиты Родины» (далее – ОБЗР). Курс ОБЗР включает работу с ценностями, научной картиной мира, развитием уровня культуры, формированием активной жизненной позиции старшеклассников. Программа ОБЗР предполагает гражданское, патриотическое, духовно-нравственное, эстетическое, физическое, трудовое и экологическое воспитание, формирование ценностей научного познания; развитие базовых логических действий, работу с информацией в цифровой среде, совершенствование коммуникативных навыков, формирование способности к самоорганизации, самоконтролю и принятия себя и других; формирование представлений о военной службе и профессиональной деятельности военнослужащего; знания об источниках опасности в цифровой среде, быту, правил безопасного поведения в чрезвычайных ситуациях и др. Специфика и содержание курса ОБЗР направлены на всестороннее развитие видов и уровней мировоззрения старшеклассников согласно личностным результатам и тематическим модулям программы [9; 10].

Личностные результаты составляют основы развития гражданского мировоззрения, которое включает активную граждан-

скую позицию старшеклассника, представления об идеологии, религии и национальных особенностях. Патриотическое воспитание формирует ценностное отношение к государственным и военным символам, историческому и природному наследию, дням воинской славы и традициям Вооруженных Сил РФ, убежденность в необходимости защиты Родины. Духовно-нравственное воспитание на занятиях ОБЗР включает формирование у старшеклассников ценности безопасного поведения, ответственного отношения к безопасности других людей, общества и государства; ценностей уважительного отношения к родителям, старшему поколению, семье, культурам и традициям народов мира. Эстетическое воспитание направлено на создание у старшеклассников представлений об успешности и полноценном развитии личности при условии безопасного поведения в повседневной жизни.

Курс ОБЗР формирует у старшеклассников ценности естественно-научного и гуманитарного знания, их практическое применение для обеспечения безопасности личности, общества и государства, что способствует развитию научного мировоззрения у субъектов. Физическое воспитание закладывает основы ценности здоровья и здорового образа жизни в мировоззрении старшеклассников. Данное направление формирует у субъектов ответственное отношение к своему здоровью и здоровью других людей, осознание пагубности вредных привычек. Трудовое воспитание в содержании курса ОБЗР способствует осознанию старшеклассниками значимости трудовой деятельности, соблюдению принципов и условий охраны труда. Трудовое воспитание призвано возбуждать у субъектов интерес к различным профессиям, связанным с обеспечением безопасности (военные профессии, профессия спасателя, пожарного, инженера по безопасности и др.).

Экологическое воспитание напрямую связано с формированием мировоззрения у старшеклассников. Сюда входят знания об экологической культуре личности, о влиянии социально-экономических процессов на состояние окружающей среды и причинах глобальных экологических проблем. Экологическое воспитание

предполагает исключение у старшекласников поведенческих привычек, которые могут неблагоприятно сказываться на состоянии окружающей среды.

Тематические модули предмета ОБЗР позволяют формировать и развивать мировоззрение старшекласников. Модуль «Безопасность в информационном пространстве» создает базу для развития информационного мировоззрения. Развитие данного вида мировоззрения субъектов на уроках ОБЗР включает формирование представлений о цифровой среде, ее преимуществах и недостатках, угрозах и возможностях обеспечения безопасности персональных данных. Модуль «Основы противодействия экстремизму и терроризму» позволяет сформировать знания об опасной идеологии, о нормативных и крайних взглядах личности, конструктивных и деструктивных способах решения конфликтов.

Модуль «Безопасность в социуме» формирует представление о взаимодействии личностей старшекласников в социуме, о социальных конфликтах как столкновениях убеждений, отношений и взглядов на разрешение противоречий. Данный модуль призван формировать отказ от способов деструктивного общения (буллинг, газлайтинг), а также от способов манипуляционного воздействия.

Модуль «Основы военной подготовки» создает условия для формирования представления о военно-профессиональной деятельности: о быте военнослужащего, порядке прохождения службы по призыву и контракту, взаимоотношениях военнослужащих. Данный модуль знакомит старшекласников с принципами организации военной службы, особенностями ведения общевойскового боя и выполнения боевых задач. Обучение основам военной подготовки предусматривает организацию пятидневных учебных сборов для юношей с выездом в детские оздоровительные учреждения или воинские части. Такая форма обучения позволяет содержательно и подробно воспитывать ценностное отношение к Родине, убеждение в необходимости защиты Отечества.

Таким образом, изучение ОБЗР предполагает всестороннее развитие мировоззренческих взглядов, ценностей, убеждений

старшекласников. Разнообразие содержания материала, представленного в образовательных программах ОБЗР, создает условия для расширения мировоззрения субъектов.

Список литературы

1. Берестовицкая С. Э. Мировоззренческое самоопределение старшекласников в школьном образовании. СПб. : Нестор-История, 2016. 372 с.

2. Бурмако А. К. Общая характеристика мировоззрения в психологической науке // Сборник трудов Всероссийской ежегодной декабрьской научно-практической студенческой конференции (г. Москва, 02–14 декабря 2022 г.) : в 3 т. / ред. Т. С. Сливин, М. Н. Суреева, В. В. Батколина. М. : Российский новый университет, 2023. Т. 2. С. 32–35.

3. Востриков И. В., Сулимов С. И. Структура мировоззрения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1-4. С. 14–20.

4. Интымакова Л. Г., Чередникова Н. П. Мировоззрение в духовной жизни общества: сущность, структура, способы организации : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по курсу «Философия» / под ред. О. А. Музыка. Таганрог : Таганрог. гос. пед. ин-т, 2009. 190 с.

5. Лыкова К. Г. Основные этапы формирования стохастического мировоззрения старшекласников в общеобразовательной школе // Continuum. Математика. Информатика. Образование. 2021. № 3 (23). С. 29–35.

6. Мантикова А. В. Формирование личности в старшем пубертатном возрасте // Наука. Мысль. 2016. № 9. С. 38–42.

7. Мухина В. С. Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям. М. : Академия, 2009. 640 с.

8. Немов Р. С. Психологический словарь. М. : Владос, 2007. 560 с.

9. Федеральная рабочая программа среднего общего образования «Основы безопасности и защиты Родины» (для 10–11 классов образовательных организаций) // Единое содержание общего образования : официальный сайт Института содержания и методов обучения имени В. С. Леднева. URL: <https://edsoo.ru/rabochie-programmy/> (дата обращения: 17.11.2024).

10. Федеральная рабочая программа среднего общего образования «Основы безопасности и защиты Родины» (для 5–9 классов образо-

вательных организаций) // Единое содержание общего образования : официальный сайт Института содержания и методов обучения имени В. С. Леднева. URL: <https://edsoo.ru/rabochie-programmy/> (дата обращения: 17.11.2024).

A. K. Burmako

Development of the High-school-students’ Worldview in Studying the Basics of Security and Protection of the Motherland

About the author: Burmako Andrey Konstantinovich, a third-year post-graduate student in the field of General Psychology, History of Psychology and Personality Psychology, General Psychology and Psychology of Labor Department, Institute for the Humanities of Russian New University (Moscow, Russia).

Abstract. The thesis discloses the notion of worldview, its types, levels and relationships to the study of the basics of security and protection of the Homeland. The author emphasizes the necessity of psychological and pedagogical support in enhancing older schoolers’ worldview. The content of the course on the fundamentals of security and defense of the Motherland, contributing to the development of high school students’ worldview, is presented. The analysis of the educational program “Foundations of Security and Protection of the Homeland” resulted in identifying the possibilities for the development of a scientific, ecological, and informational worldview among senior students. The paper presents the potential for forming life attitudes, values, beliefs, ideas about the surrounding world when studying this course.

Keywords: worldview, life views, values, beliefs, ideas, security, protection, high school students.

Риски и вызовы психологической безопасности в цифровую эпоху

Сведения об авторе: Григорян Эмма Арцруновна, магистрант 2-го года обучения направления «Цифровая филология» Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Аннотация. В тезисах рассматривается значимость психологической безопасности как основы благополучия человека в современном обществе, особенно в условиях цифровизации. Подчеркивается, что психологическая безопасность позволяет людям уверенно существовать в различных социальных взаимодействиях, включая семью, рабочие коллективы, политическую систему и социум в целом. Также акцентируется внимание на рисках, связанных с информационно-коммуникативной средой, включая влияние цифровых технологий на эмоциональное состояние и психическое здоровье. В тезисах делается вывод о необходимости формирования навыков безопасного взаимодействия с цифровыми ресурсами, что особенно важно для детей и подростков.

Ключевые слова: психологическая безопасность, цифровизация, зависимость, тревожность, социальная сеть, проблема.

Основой благополучия человека является психологически безопасная и комфортная среда. Психологическая безопасность – состояние защищенности человека, позволяющее существовать в социуме, не опасаясь негативных последствий, связанных с самооценкой, статусом или карьерой [3]. Безопасная психологическая среда возникает при правильно выстроенных и не воздействующих негативно на эмоциональное состояние взаимоотношениях в следующих плоскостях: личность – семья/близкое окружение, личность – коллектив/рабочее пространство,

личность – политическая система, личность – социум, личность – информационно-коммуникативная среда.

В век цифровизации на первый план выходит умение человека безопасно взаимодействовать с самой информационной средой, с другими ее участниками, впитывая и используя во благо лучшее и отфильтровывая вредоносные данные и явления. В данный момент можно выделить следующие группы рисков в парадигме личность – информационно-коммуникативная среда:

- 1) цифровой эскапизм;
- 2) зависимость от технических средств;
- 3) неконтролируемое потребление информации;
- 4) навязывание нереалистичных и/или нездоровых стандартов;
- 5) интернет-преступность.

Человек всегда стремится избежать дискомфорта, сложностей, и это отражается на его образе жизни и особенностях психики. Если ранее, сталкиваясь с трудностями, люди, не имея особого выбора, либо искали способ решения проблемы, либо ограждали себя от других физически, то теперь все изменилось. Местом побега стала цифровая среда, которая, в отличие от существующей реальности, ни в чем не ограничивает пользователей, не заставляет адаптироваться к постоянным изменениям и дает множество возможностей. Стремясь компенсировать недостатки объективной реальности, человек с головой погружается в коммуникацию с другими такими же, как и он, людьми, выстраивает тесные и доверительные взаимоотношения с незнакомцами (например, блогерами). Результатом становится добровольная самоизоляция, отказ в реальности от близких людей и от самореализации в жизни не виртуальной. Уровень тревожности поднимается, индивид погружается в депрессию, циклично переходя из состояния в состояние или проживая их одновременно. Человек может замкнуться, утратив самоощущение и самоидентификацию в действительности.

Достаточно остро стоит проблема зависимости от технических средств. Данная проблема подразумевает под собой зави-

симость от использования всевозможных гаджетов: интернета, социальных сетей и различных игр [4]. Многие эксперты предполагают, что со статистической точки зрения гаджет-зависимость опережает статистику по алкоголизму и курению. В основе данной проблемы лежит невозможность обойтись без техники и интернета. Более того, в рамках гаджет-зависимости выделяют отдельные подтипы, которые можно рассматривать как в комплексе, так и по отдельности: скроллинг (пролистывание ленты в социальной сети), лайкомания, заппинг (переключение между вкладками), постоянные и бесконтрольные игры (чаще всего бессюжетные, позволяющие действовать не думая: Block Blust, Unpuzzle и т. п.), СМС-зависимость, проявление номофобии (боязни расстаться с телефоном, необходимость иметь его рядом, вне зависимости от ситуации) и многие другие. На основании этих данных и некоторых других показателей 1 января 2022 года один из наиболее опасных видов гаджет-зависимости – пристрастие к компьютерным играм – был внесен в МКБ-11 с кодом 6C51.0 наряду с игроманией классической [5]. Важность своевременной диагностики подтверждает множество случаев смертей геймеров во время или после игры [2]. Один из таких случаев произошел в Китае с Ксаё Йи. Тридцатилетний игрок в World of Warcraft настолько погрузился в игровую реальность, что решил умереть в реальности, дабы воссоединиться с членами гильдии в игре. Перед совершением суицида он написал несколько записок от лица разных игровых персонажей и спрыгнул с крыши 24-этажного здания.

Отчасти из зависимости от технических средств проистекает более обширная проблема – зависимость от информации и неконтролируемое ее потребление. В XXI веке человек тонет в потоках информации, даже тогда, когда сам ее не ищет: из колонок звучат радиозаписи, нас окружают рекламные постеры и щиты, в салонах и центрах оказания различных бытовых услуг, медицинских учреждениях нас поджидают брошюры и журналы соответствующих тематик, и это только малая часть. Благодаря развитию интернета и, в частности, социальных сетей информация распространяется молниеносно и доступна в любой точке мира.

Привычка постоянно потреблять информацию привела к тому, что время для человека течет иначе, и львиную его долю занимает информация, которая не усваивается мозгом и исчезает из памяти очень быстро. Этот феномен связан с тем, что непрерывный поток информации настолько велик, что человек просто не в состоянии ее обработать, усвоить и удержать, обратив в дальнейшем в опыт. Информация в буквальном смысле становится наркотиком. Подобная зависимость приводит к негативным последствиям: это и потеря ощущения времени (зависимый не может проконтролировать время, потраченное на получение информации), и отсутствие вовлеченности в реальную жизнь (получение информации жизненно необходимо, даже если этого не позволяет состояние человека), проблемы с психикой (характерны проявления агрессии, раздражительности, возникает тревожность и нервозность), нежелание контактировать с родными и близкими и т. д.

Говоря о неконтролируемом потреблении информации, стоит упомянуть нереалистичные и нездоровые стандарты, мысли, практики, которые оказывают на психику человека, в особенности достаточно восприимчивого, негативное влияние. Косметические бренды, СМИ, селебрити в своих социальных сетях учат людей бояться старения, задают показатели роста, веса, черт лица, образа жизни, без которых нельзя считать себя красивым и успешным человеком. Кроме того, развивается культ токсичного позитива (отсутствие признания негативных эмоций, особенно гнева и грусти, и игнорирование негативных эмоций другого человека путем предложения вместо этого позитивной эмоции) [6], чрезмерной продуктивности, зачастую транслируемой, но не связанной с реальной жизнью блогера. Сравнивая себя с этой идеальной картиной жизни, в которой блогер встает в 5 утра, занимается спортом, успевает заняться работой и эстетично отдохнуть, человек неизменно проигрывает, что влияет на ментальное здоровье. Начинают проявляться признаки тревожности, проблемы с самооценкой, недовольство собой и своей жизнью.

Ситуация становится еще сложнее, если человек попадает под влияние деструктивного контента. Распространением подобного

занимаются группы, посвященные излишней худобе (например, в России был популярен паблик «Типичная анорексичка», еще раньше в Голливуде – тренд на «героиновый шик»), на ТВ транслировались передачи о моделинге, в которых ведущие критиковали и внешность, и характер участников шоу, с которыми многие начинали себя ассоциировать, популяризировались операции по изменению внешности для достижения некоего идеала красоты. Итогом становились и, к сожалению, все еще становятся РПП, булимия, анорексия, различные постоперационные осложнения. Все это, конечно же, сопровождается проблемами с психикой, низкой самооценкой и необъективным восприятием реальности.

Особое внимание следует уделить преступности в интернете, которая стремительно развивается вместе с цифровой средой. Интернет дал возможность психически нестабильным и опасным людям с большей легкостью находить себе жертв и воздействовать на них, находясь в сотнях и тысячах километров. Одним из наиболее распространенных видов интернет-преступности является мошенничество. Спектр мошеннических действий достаточно широк, например, «заработок без личных вложений». Человеку обещают работу с нереалистично высокой стартовой зарплатой (часто 100 тыс. рублей и более), но просят прежде внести платеж либо не платят совсем. В некоторых ситуациях пользователя могут втянуть в финансовую пирамиду, где после серии психологических манипуляций и убеждений (для пирамид характерно психологическое воздействие и вовлечение, как в религиозных сектах и культах). Новый член преступной группировки ищет и приводит новых людей, становясь соучастником преступления. Он не осознает свои действия и не видит производимых психологических манипуляций, жертвой которых является. Человек становится тенью самого себя, забывает об увлечениях и контактах вне системы, отвергает любую мысль о том, что попал в деструктивную среду, испытывая ненависть к людям, которые подобные подозрения высказывают.

Частым явлением в интернет-пространстве можно назвать угрозы и вымогательства с целью наживы. Выманив у человека

персональные данные, интимные фотографии, преступники угрожают массовыми рассылками, физической расправой, вынуждая жертву платить или оказывать иные услуги. Это может привести к повышенной тревожности, чувству безнадежности, незащитности. В долгосрочной перспективе результатом становятся депрессия, проблемы с самооценкой. При условии, что жертва не боится идти наперекор и обращается в уполномоченные органы, она спасает и себя, и свою психику, и других жертв, у которых не хватило смелости противостоять преступникам.

Немного иная ситуация связана со назойливым преследованием человека другим человеком или группой лиц [1]. Жертвой сталкинга может стать любой человек – от популярной медийной личности до обычного человека, который чем-то заинтересовал stalkера. Проявляется это в постоянном поиске информации о жертве, попытках связаться в любой из социальных сетей, агрессивном поведении в случае отказа человека от назойливого внимания stalkера. Зачастую преследователем становится глубоко травмированный, закомплексованный человек. Есть вероятность того, что stalkер проявляет психопатические и социопатические наклонности. Действия могут ограничиваться попытками воздействия в онлайн-среде или могут перейти в реальность, что обычно зависит от особенностей личности самого stalkера. Последствия для психологического состояния жертвы преследования фатальны: действия преступника могут вызывать ужас, страх, гнев. Появляется боязнь внимания и общества в целом. Человек может уйти в себя, не выходить из дома, погрузившись в укореняющуюся безысходность. Нарушение личных границ ведет к отсутствию чувства безопасности и к проблемам с выстраиванием новых, что делает человека еще более восприимчивым к манипуляциям и проявлениям абьюза. Все это связано с преступлениями против взрослых, которые хоть и не всегда, но способны за себя постоять.

Преступления в интернете наиболее жестоки именно к детям, ведь они очень уязвимы. Особо опасным местом интернет становится для детей, которые растут в неблагоприятной и неблаго-

получной среде (зависимости родителей, проявление агрессии в адрес ребенка, отсутствие должного внимания). Участились случаи вымогательств и угроз в социальных сетях. Детьми манипулируют, заставляют их сделать или рассказать что-то очень важное, и в дальнейшем требуют переводить большие суммы денег со счетов родителей за молчание или нераспространение фото- и видеоматериалов. Ребенок, запуганный преступником, не идет к родителям и не просит помощи, а делает то, что от него требуют. К счастью, во многих случаях взрослые всё узнают либо сами, либо от своего ребенка, который решился попросить о помощи, однако травма психике уже нанесена, поэтому работа с психологом является обязательной. Вопросы вызывают также иные аспекты онлайн-жизни детей. Ребенок не может контролировать контингент, который так или иначе следит за его жизнью в социальных сетях, и в это следует вмешаться родителям. С каждым годом все больше и больше вопросов вызывают реакции на страницах детей от взрослых людей, зачастую мужчин, никак с этим ребенком не связанных. Так, например, в социальной сети Likee (детский аналог TikTok) в секции комментариев под детскими видео очень много взрослых мужчин, страницы и реакции которых вызывают вопросы. Это подмечают очень многие, в том числе психологи; модераторы стараются отслеживать подозрительные аккаунты, однако интернет-педофилов очень много. Подобное встречается и в других социальных сетях, однако этот пример является наиболее показательным.

Безусловно, сам факт развития цифровой среды не является причиной этих и многих других рисков для психического здоровья человека – проявления были и прежде, они лишь имели другую форму. Такова суть человеческого общества, поэтому проблемы из реальности, претерпев изменения, перешли в онлайн-среду. Однако, как и в жизни, можно и нужно научиться взаимодействовать с людьми в интернете и с цифровой средой экологично и безопасно: не распространять персональные данные, осторожнее относиться к онлайн-знакомствам, перепроверять любую информацию, контролировать время, проведенное в Сети. Соблю-

дение этих правил, конечно же, не делает интернет безопасным для пользователя на сто процентов, но приближает нас к этому. Для детей же, кроме вышеперечисленного, очень важно в любой спорной ситуации идти к взрослому, который может оказать помощь, и не бояться осуждения и непонимания.

Список литературы

1. Иванова Т. А. Сталкинг: психологические аспекты и самозащита // Психологи на b17.ru : профессиональный сайт для психологов. 2024. 8 июля. URL: <https://www.b17.ru/article/543850/> (дата обращения: 21.11.2024).
2. Милая Е. Опубликован список 15 геймеров, погибших из-за видеоигр // Game Bomb : ежедневное интернет-издание. 2015. 19 окт. URL: <https://gamebomb.ru/gbnews/14107> (дата обращения: 21.11.2024).
3. Солодкая Н. Ю. Информационно-психологическая безопасность, как вызов современности // Институт повышения квалификации и профессиональной переподготовки «Высшая школа практической психологии и бизнеса» : официальный сайт. URL: <https://psy-school.info/articles/informacionno-psihologicheskaya-bezopasnost-kak-vyzov-sovremennosti> (дата обращения: 21.11.2024).
4. Шагарко Е. Р. Гаджет-зависимость. Наркотик 21 века // Старт в науке : материалы XVIII Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся (г. Москва, 15 декабря 2022 г. – 20 февраля 2023 г.). М. : РАЕ, 2023. URL: <https://school-science.ru/18/8/54041> (дата обращения: 21.11.2024).
5. 6C51.0 Расстройство вследствие пристрастия к компьютерным играм (патологический гейминг), преимущественно онлайн // МКБ-11 для ведения статистики смертности и заболеваемости : официальный сайт. Всемирная организация здравоохранения, 2024. URL: <https://icd.who.int/browse/2024-01/mms/ru/#338347362> (дата обращения: 21.11.2024).
6. How Social Media Shapes Unrealistic Beauty Standards // Profile-Tree Web Design and Digital Marketing : official website. URL: <https://profiletree.com/how-social-media-shapes-beauty-standards/> (access date: 21.11.2024).

Risks and Challenges of Psychological Security in the Era of Digitalization

About the author: Grigoryan Emma Artsrunovna, a second-year Master's student in the field of Digital Philology, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Abstract. The thesis examines the significance of psychological security as a foundation for the human well-being in a modern society, particularly in the era of digitalization. The author emphasizes that psychological security enables people to confidently engage in various social interactions – whether within families, workplaces, political systems, or society at large. The paper also highlights the risks associated with the information-communication environment, including the impact of digital technologies on emotional states and mental health. The author concludes that it is essential to develop skills for safe interaction with digital resources, especially for children and teenagers.

Keywords: psychological security, digitalization, addiction, anxiety, social network, problem.

Феномен благодарности у студентов

Сведения об авторе: Загвозкина Елена Дмитриевна, магистрант 1-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. В тезисах рассматривается феномен благодарности на примере студентов-программистов. Приведен краткий обзор научных исследований, в которых понятие благодарности описывается с помощью различных подходов (экспериментальный, культурно-специфический и т. д.). Далее описаны результаты прохождения студентами-программистами методик: «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. и «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. По результатам методик был проведен корреляционный анализ для изучения связи между показателем благодарности и положительными качествами личности (вера в человечество, кантианство, гуманизм). В итоге была подтверждена гипотеза исследования: чем выше благодарность, тем выше показатель позитивных качеств личности, измеряемых методикой «Шкала Светлой триады» («Вера в человечество», «Кантианство», «Гуманизм»). В заключение приведены способы улучшения исследования.

Ключевые слова: благодарность, студенты, студенты-программисты, вера в человечество, кантианство, гуманизм, положительные качества, качества личности.

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

В современном мире остро стоят вопросы социального взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности человека, в культуре и в обществе. В частности, это касается такого психологического феномена, как благодарность.

Е. С. Синельникова в своей статье задается вопросом о том, что же такое благодарность. Она обращается к другим исследованиям и отмечает, что благодарность определяется как моральное чувство. Специфической особенностью переживания этого чувства является расценивание человеком действий другого человека как добрых, позитивных, полезных по отношению к самому себе. Еще одной специфической особенностью является относительность морали приписываемой благодарности: то, что является благом для одного индивида, может не быть таковым для другого. Но, несмотря на это, благодарность прежде всего связана с ощущением пользы для себя от действий другого человека, с переживанием положительных эмоций. Именно положительные эмоции являются маркером того, что человеку сделали благое дело, и именно они и побуждают ответить благодарностью за это дело. Е. С. Синельникова также подчеркивает связь благодарности с психическим благополучием личности, кроме того, в своих исследованиях она пришла к выводу о том, что выражение благодарности близким люди часто откладывают до удобного момента, но незнакомцев благодарят, как правило, сразу, так как могут никогда не встретить их больше [4].

В то же время, чтобы более полно определить благодарность, можно пойти от обратного. Дж. Л. Наварро и Дж. Р. Тудж в своем исследовании задались вопросом о неблагодарности, которая является противоположностью феномена благодарности. Они исследуют культурный аспект проявления благодарности и неблагодарности. Авторы отмечают, что понимание благодарности и неблагодарности различалось в разных культурах. Например, для римлян христиане были неблагодарными, так как они считали, что благодарность за все вещи должна быть выражена Богу, потому что в конечном итоге всё исходит от Бога, тогда как римляне благодарностью считали круговую взаимность между благотворителем и бенефициаром [5].

Дж. Л. Наварро и Дж. Р. Тудж также подмечают, что подход Иммануила Канта к добродетели отличался от подхода Аристотеля, но сходство всё же было, а ведь они представители совершенно разных культур и эпох. Оба они говорили об ощущении долга (оно идет изнутри), а не о чем-то, что навязывается в отношении благодарности. Об этом же писал и Георг Зиммель [5]. Дж. Л. Наварро и Дж. Р. Тудж пишут о том, что, хотя существуют разные концепции благодарности, именно противоположное ей понятие – неблагодарности – привносит концептуальную ясность в них. В итоге авторы определяют неблагодарность как противоположность благодарности, неспособность одновременно признать получение услуги и отказаться вернуть или отплатить за услугу. Не менее важным выводом авторы также считают необходимость обучать благодарности [5].

Есть и другие исследования, описывающие благодарность с помощью корреляций ее с другими психологическими феноменами. С. К. Нартова-Бочавер и Г. К. Кислица исследовали благодарность как психологический феномен, а также как адаптационный ресурс, влияющий на жизнестойкость человека. В эмпирических исследованиях благодарность может быть рассмотрена и как личностная черта и как сиюминутная эмоция. Многие рассмотренные этими авторами исследования говорят о том, что благодарность повышает качество жизни человека, поэтому целью своего исследования они поставили изучение связи благодарности и психологического благополучия. Участие в исследовании приняли 277 студентов. Результаты исследования С. К. Нартовой-Бочавер и Г. К. Кислицы продемонстрировали значимую положительную связь между благодарностью и самооценкой, благодарностью и устойчивостью личности. Также были получены значимые отрицательные корреляции между благодарностью и симптомами депрессии [3].

Обобщая сказанное выше, можно заметить, что тема благодарности поднималась в разные времена и концепции ее были разными. В целом, благодарность рассматривается как личностная черта и ситуативная эмоция, реже как конкретное действие.

Также благодарность является культурно-специфичным феноменом.

Целью исследования являлось изучение феномена благодарности у студентов-программистов.

Задачи:

1. Определить уровень благодарности у студентов-программистов.

2. Изучить позитивные качества личности, измеряемые методикой «Шкала Светлой триады» у студентов-программистов.

3. Изучить социально-демографические данные студентов-программистов.

4. Выявить наличие взаимосвязи между уровнем благодарности и положительными качествами личности, измеряемыми методикой «Шкала Светлой триады» у студентов-программистов.

Предмет исследования: благодарность у студентов-программистов.

Гипотезы для корреляционного анализа

Гипотеза экспериментальная: чем выше благодарность, тем выше показатель позитивных качеств личности, измеряемых методикой «Шкала Светлой триады» («Вера в человечество», «Кантианство», «Гуманизм»).

Контргипотеза: чем ниже показатель позитивных качеств личности, измеряемых методикой «Шкала Светлой триады», тем выше благодарность.

Нулевая гипотеза: показатель позитивных качеств личности, измеряемых методикой «Шкала Светлой триады», не связан с благодарностью.

Описание выборки: выборку составили 108 студентов-программистов. Из них 98 – мужчины (90,7 %), а 10 – женщины (9,3 %). Средний возраст выборки – 25 лет. Все проживают в городе Екатеринбурге.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Методика «Шкала чувства благодарности» (Gratitude Questionnaire, GQ-6) М. МакКалофа, Р. А. Эммонса и Дж. Тсанга (2002). Адаптация С. П. Елшанского, А. Ф. Ануфриева, З. Ф. Ка-

малетдиновой, О. Е. Сапарина, Д. В. Семёнова (2015). Шкала позволяет измерить степень развитости чувства благодарности [1].

2. Методика «Шкала Светлой триады» (Light Triad Scale, LTS) С. Кауфмана, Д. Б. Ядена, Э. Хайд и Э. Цукьямы (2019). Адаптация Д. С. Корниенко, В. К. Вязовкиной, А. Н. Неврюева (2023). Шкала позволяет измерить три основных просоциальных черты: кантианство, гуманизм и веру в человечество [2].

В таблице 1 представлены результаты тестовой методики «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. для выборки студентов-программистов ($N = 108$).

Таблица 1

Показатель благодарности

Балл	Результат	Число испытуемых	Доля испытуемых, %
25–35	Низкий	95	88
36–38	Средний	9	8,3
39–42	Высокий	4	3,7

Из таблицы 1 видно, что в выборке преобладает низкий уровень благодарности (88 % от выборки). Такой результат частично можно объяснить преобладанием мужчин в выборке – мужчинам, как правило, меньше свойственно чувство благодарности.

В таблице 2 представлены результаты тестовой методики «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. для выборки российских студентов ($N = 108$).

Из таблицы 2 видно, что по всем шкалам методики преобладают средние результаты. Это подтверждается тем, что данные прошли проверку на нормальность распределения.

Далее был проведен корреляционный анализ для изучения связи между показателем благодарности (методика «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др.) и положительными качествами личности (вера в человечество, кантианство, гуманизм) из методики «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др., был использован коэффициент корреляции Пирсона.

Таблица 2

Результат методики «Шкала Светлой триады»

Результат общий	Число испытуемых	Результат по вере в человечество	Число испытуемых	Результат по гуманизму	Число испытуемых	Результат по кантианству	Число испытуемых
Высокий	8	Высокий	10	Высокий	10	Высокий	8
Средний	83	Средний	84	Средний	68	Средний	71
Низкий	17	Низкий	14	Низкий	30	Низкий	29

На рисунке 1 представлены результаты корреляционного анализа между методиками «Шкала чувства благодарности» М. Мак-Калофа и др. и «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др.

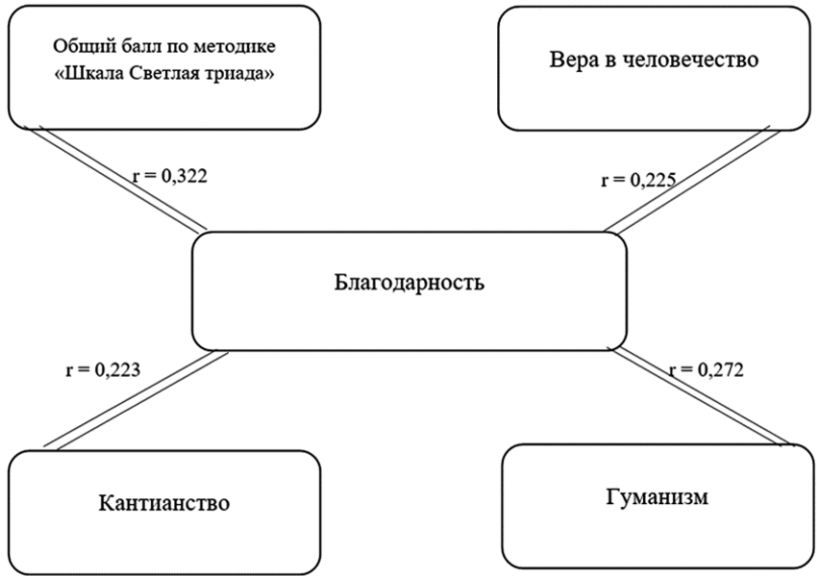

Рис. 1. Результаты корреляции

Существует связь между показателем благодарности из методики «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. и общим результатом по методике «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. ($r = 0,322$ при $p = 0,000$). Связь умеренная положительная. Это говорит о том, что при росте благодарности будет увеличиваться общий результат по методике «Шкала Светлой триады».

Существует связь между показателем благодарности из методики «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. и шкалой «Вера в человечество» из методики «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. ($r = 0,225$ при $p = 0,000$). Связь слабая положительная. Это говорит о том, что при увеличении благодарности будет увеличиваться положительное качество личности – вера в человечество.

Существует связь между показателем благодарности из методики «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. и шкалой «Гуманизм» из методики «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. ($r = 0,272$ при $p = 0,000$). Связь слабая положительная. Это говорит о том, что при увеличении благодарности будет увеличиваться положительное качество личности – гуманизм.

Существует связь между показателем благодарности из методики «Шкала чувства благодарности» М. МакКалофа и др. и шкалой «Кантианство» из методики «Шкала Светлой триады» С. Кауфмана и др. ($r = 0,223$ при $p = 0,000$). Связь слабая положительная. Это говорит о том, что при увеличении благодарности будет увеличиваться положительное качество личности – кантианство.

Результаты проведенного исследования позволили выявить уровень благодарности у студентов-программистов, которые продемонстрировали низкие результаты. Вероятно, это связано с преобладанием мужчин в выборке, так как мужчинам менее свойственно выражать благодарность. Также по итогам методики «Шкала Светлой триады» был выявлен средний уровень описанных в ней положительных качеств личности (вера в человечество, гуманизм, кантианство). Результаты корреляционного анализа позволяют принять экспериментальную гипотезу исследования:

чем выше благодарность, тем выше показатели шкалы светлой триады. То есть благодарность чаще проявляют люди с высокими показателями шкалы светлой триады («Вера в человечество», «Гуманизм», «Кантианство»).

Большую часть выборки составляют мужчины, следовательно, результаты исследования будут характерны в основном для мужчин. Преобладание мужчин в выборке предположительно связано с низкими результатами по благодарности. Мужчинам мало свойственно проявлять благодарность. Выборку нужно сделать более репрезентативной, для этого нужно увеличить количество женщин в обеих выборках.

Средний возраст всей выборки – 25 лет, результаты исследования будут ориентированы на молодых людей. Настоящее исследование было проведено для молодых людей, поэтому в дальнейшем можно провести его на выборке пожилых людей и на выборке школьников, что позволит сравнить благодарность по разным возрастным группам.

Все испытуемые не менее года проживают в городе-миллионнике и являются студентами, следовательно, результаты исследования ориентированы на городских жителей, студентов. Дальнейшие исследования можно проводить на жителях небольших населенных пунктов (деревни, сёла, поселки, маленькие города).

Список литературы

1. Елшанский С. П., Ануфриев А. Ф., Камалетдинова З. Ф., Сапарин О. Е., Семенов Д. В. Психометрические показатели русскоязычной версии шкалы чувства благодарности // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 23–30.
2. Корниенко Д. С., Вязовкина В. К., Неврюев А. Н. «Светлая триада»: адаптация и психометрические показатели // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 5. С. 44–75.
3. Нартова-Бочавер С. К., Кислица Г. К. Переживание благодарности как личностный ресурс: к постановке проблемы // Психологический журнал. 2017. Т. 38, № 6. С. 42–51.
4. Синельникова Е. С. Благодарность как психологический феномен // Вопросы психологии. 2020. № 5. С. 25–33.

5. Navarro J. L., Tudge J. R. What Is Gratitude? Ingratitude Provides the Answer // Human Development. 2020. Vol. 64 (2). P. 83–96.

E. D. Zagvozkina

The Phenomenon of Gratitude among Students

About the author: Zagvozkina Elena Dmitrievna, a second-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. The thesis examines the phenomenon of gratitude by the example of computer science students. The paper presents a brief overview of research efforts that explore this phenomenon through various approaches, including experimental and cultural-specific ones. The paper introduces the results of two methods used by programming students: the “Scale of Gratitude” by M. McCalough and colleagues, and the “Light Triad Scale” by S. Kaufman, et al. Based on the results of the methods, a correlation analysis was conducted to investigate the relationship between the indicator of gratitude and positive personality traits, such as faith in humanity, Kantianism, and humanism. In conclusion, the ways to improve the research are provided.

Keywords: gratitude, students, computer science students, faith in humanity, Kantianism, humanism, positive qualities, personal qualities.

² **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Социально-психологический аспект роли социальных сетей в жизни детей и молодежи

Сведения об авторе: Зеленцов Ярослав Владимирович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. В данной работе рассмотрен социально-психологический аспект такого явления цифровизации, как социальные сети. Проанализированы трансформация группы и групповой роли в социальных сетях и психологических механизмов подтверждения социальной роли и так называемого сдвига идентичности в виртуальной среде. Показаны некоторые особенности социальной перцепции, формирования групповой структуры, процессов взаимодействия и трансляции массовых представлений в социальных сетях. Представлен ряд значимых современных исследований по вопросам эмоционального восприятия в интернете, процессов идентификации и формирования границ идентичности, сетевых взаимодействий в цифровой среде.

Ключевые слова: группа, групповая роль, идентичность, киберпсихология, сетевое взаимодействие, сетевое сообщество, социальные сети, структура группы, цифровизация.

Термин «социальные сети» приобрел распространенность и значимость около двадцати лет назад, и на данный мо-

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

мент границы этого понятия всё больше расширяются, во многом начиная совпадать с определением «социальных медиа» как более общей категории. Вследствие расширения и унификации функционала сюда относятся «традиционные» социальные сети, такие как «ВКонтакте»; хостинги видео и других визуальных материалов, как TikTok; мессенджеры с функцией обмена файлами и создания сообществ, например, WhatsApp² и Telegram. Изучение специфики социальных сетей ведется по самым разным направлениям, нередко носит междисциплинарный характер и позволяет говорить об «электронной культуре», которая в значительной степени формируется именно в социальных сетях [1].

Социальные сети в рамках психологии рассматриваются исследователями в трех аспектах. Это общая психология и нейропсихология (охватывает взаимодействие человека с техническими средствами, особенности перцепции, внимания и др.), гуманистическая психология и влияние цифровой среды на развитие личности и идентичности, наконец, социально-психологический аспект [2], который, исходя из самого наименования и определения социальных сетей, может считаться основным. Действительно, в социальных сетях индивид всегда действует во взаимосвязи или, как минимум, в присутствии группы. С другой стороны, эти три аспекта не могут быть разорваны и рассматриваться исключительно в отдельности: личность и целостная идентичность развивается в социальной среде, в том числе и цифровой, а специфика восприятия и других процессов непосредственно влияет на взаимодействие.

Социально-психологический контекст цифровой среды на данный момент не исследован в достаточной степени хотя бы потому, что развитие самих технологий и следующее за ним возникновение новых социальных феноменов в виртуальной среде происходит крайне быстро и опережает темп исследований. За 2–3 года, которых требует среднее исследование, профиль конкретной социальной сети или сама палитра популярных социальных

² WhatsApp принадлежит корпорации Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ.

медиа может полностью измениться, как и характер коммуникации между участниками. При этом киберпсихология является молодой дисциплиной, получившей развитие только за последние 20 лет [8], в силу чего исследовательского опыта для обобщений и прогнозов нередко не хватает.

Рассматривая в социально-психологическом ракурсе роль социальных сетей в жизни молодежи, можно отметить следующие значимые моменты.

В социальных медиа находится под вопросом само традиционное понимание группы. Индивид может стать виртуальным групповым субъектом, что, очевидно, невозможно в реальности. Например, можно создать сообщество с одним участником и ставить «лайки» своим собственным сообщениям. Именно на интернет-форумах в 2008 г. возникло такое современное явление, как «тульпы» – воображаемые друзья у взрослых, целенаправленно ими развиваемые как отдельная личность, а не просто фантазия [4]. Также одному реальному индивиду можно пользоваться несколькими виртуальными аккаунтами, которые могут противоречить друг другу, вести диалог или друг друга защищать, причем их количество в патологических случаях может достигать до нескольких сотен. Такие явления приводят к сдвигу процессов идентификации и границ идентичности, к новому пониманию группы и групповых ролей [5].

Следующим значимым компонентом являются особенности коммуникации и социального восприятия в цифровой среде. В социальных сетях вряд ли возможно развести восприятие как таковое и социальную перцепцию, поскольку любой объект там является социальным: виртуальная среда сама по себе искусственно создана человеческим социумом, она не имеет в себе «естественных» объектов. Всё, что находится в социальной сети, так или иначе имеет отношение к взаимодействию и отражает некий социальный смысл. Относительно специфики восприятия в социальных сетях, исследования Х. В. Ямамото и коллег показали, что эмоциональная и невербальная перцепция по онлайн-связи не отличается значимо от таковой при непосредствен-

ном общении, в том числе и у детей [9], однако в исследованиях Х. В. Ямамото и коллег использовались видео- и аудиозаписи людей с живой мимикой и голосом. В социальной сети далеко не всегда есть даже фото участника. В большинстве случаев коммуникация происходит вербально или с помощью символов: эмоджи, стикеров, коротких видео.

Дефицит невербального компонента общения может заполняться посредством различных проекций, рационализации и других механизмов бессознательных защит и атрибуции. Если при обычной коммуникации собеседник около 70 % информации получает невербально (больше или меньше, в зависимости от ситуации), то в социальной сети невербальный компонент приходится восполнять при помощи воображения либо искать альтернативные опоры: интуитивное использование ошибок и опечаток, визуальные средства, такие как эмоджи и стикеры, анализ скорости ответа и объема ответа собеседника и т. п. Это приводит к возникновению альтернативной грамматики и орфографии в интернете: цифровые диалекты наподобие «олбанского», намеренные ошибки, интонация, переданная знаками препинания, дополнительными пробелами и заглавными буквами, и другое. Особой спецификой социальной сети является стабильность и нестабильность высказывания: с одной стороны, если я написал сообщение, оно сохраняется, на него можно ответить позже и нельзя что-то забыть, но, с другой стороны, я могу его в любой момент стереть или изменить, оставив ответ собеседника подвисшим в воздухе. Пока нет достаточных данных, какую роль играет отсутствие в цифровой коммуникации таких компонентов, как запахи или осязание: восприятие подобных ощущений происходит преимущественно бессознательно, в то же время оно происходит всегда, независимо от того, реальный перед нами собеседник или виртуальный, и может определять наш выбор и реакцию.

В социальных медиа индивид является участником группы опосредованно, через свой виртуальный образ. Виртуальный имидж участника создается осознанно и целенаправленно, причем и отсутствие образа (незаполненный профиль), по большому

счету, тоже имидж. Такое решение всегда принимается сознательно, как и выбор контента для заполнения профиля, фото, статуса, интересов и т. п., в отличие от обычного «реального» общения, куда индивид привносит большое количество информации о себе невольно: поза, походка, дефекты внешнего вида, случайные вещи в руках.

Имидж в социальной сети может сознательно искажаться [1], вплоть до изменения таких параметров, как заявленный возраст, пол и даже количество собеседников, когда под одним аккаунтом могут находиться несколько реальных людей, и наоборот. Подобное встречалось всегда, достаточно вспомнить пьесы Шекспира с переодеванием героев, однако именно цифровая среда делает подобное «превращение» легким, доступным и реалистичным.

Обязательное, целенаправленное, неизбежное создание имиджа в цифровой среде возвращает нас к концепции социальной драматургии И. Гоффмана, утверждавшего, что любое социальное взаимодействие есть спектакль, в котором требуется постоянно подтверждать соответствие какой-либо роли [3]. В виртуальной среде легко приписать себе роль и требуется минимум средств, чтобы ее подтвердить, что, с одной стороны, размывает границы роли, а с другой – заставляет участников искать косвенные признаки подтверждения. Например, использование определенных слов или эмоджи: человека старше 35 лет в сети вычисляют по использованию скобок как символа улыбки, люди младше 20 вместо обычного смайла отправляют эмоджи черепа и прочее, тем не менее, при желании всё это можно обойти, и пока непонятно, к чему это больше ведет: к потере идентичности под маской виртуальной роли или, наоборот, к отходу от жестких ролевых Я и социальных конструктов в пользу истинной сущности человека, которую практически нельзя подделать.

С точки зрения групповой структуры для социальных сетей, скорее, не характерен общий закон, обнаруженный Б. Такманом: чем более когнитивно сложными являются участники, тем более горизонтальна и менее иерархична структура группы. Можно отметить в социальных сетях такой тип канала (сообщества), ко-

торый можно назвать «демократической деспотией»: благодаря механизму блокировки участников существует один лидер-создатель, а все остальные – равные друг другу участники, согласные с лидером, его нормами и правилами. Все отклоняющиеся точки зрения попросту удаляются из данного канала, иногда с вежливой оговоркой, что несогласные могут создать канал со своими правилами. Такое горизонтальное сообщество оказывается максимально централизованным вокруг лидера. В то же время в каналах, где допускаются различные взгляды и дискуссии, где централизация невысока, часто формируется и неформальная, и формальная иерархия (модераторы, администраторы, редакторы, участники с разными статусами, голосования).

Е. Д. Патаракин еще в 2005 г. пишет о «стайных сетевых взаимодействиях», имея в виду экологический и децентрализованный взгляд на формирование поведения участников: к примеру, стая птиц часто не имеет вожака, птицы следуют простым правилам и ориентируются по действиям ближайших соседей, что в итоге и формирует стайное поведение, которое наблюдателю кажется централизованным, организованным сверху или извне. В то же время люди склонны искать централизованное объяснение многим явлениям, где его нет: креационизм вместо эволюции видов, теории заговора вместо рыночных и социальных «безликих» законов, что автор объясняет аналогией с самовосприятием себя как организатора своей жизни, инфантильным эгоцентризмом, желанием контроля. Взаимодействие участников в социальной сети Е. Д. Патаракин видит как «стайное», т. е. децентрализованное, неорганизованное сознательно, но развивающееся по законам, стоящим выше отдельных личностей [7].

Это приводит нас к видению социальных сетей и отдельных каналов как живущих по принципу открытых самоорганизующихся социальных систем, самостоятельно поддерживающих свое развитие и равновесие. В этом случае мы отходим от понимания социальной сети как инструмента для общения, работы и развлечения или даже среды, где происходит взаимодействие. Речь идет уже не о роли социальных сетей в нашей жизни, а о

нашей роли в жизни такой системы, как социальная сеть, о тех ролях, которые играем мы как компоненты системы.

Интересно рассмотреть социальные сети с точки зрения действия в них «парадокса Ла-Пьера». Несмотря на то, что связи в рамках одной группы, как правило, горизонтальны, возможно образование «слоеного торта» из групп и чатов, состоящих из одних и тех же людей. Например, в момент, когда происходит онлайн-лекция, параллельно может работать официальный учебный чат и неформальный чат, где одни и те же участники могут играть совершенно разные роли и демонстрировать различное поведение. «Уровни» общения становятся более явными и функционируют одновременно, например, во время онлайн-занятия студент может вежливо и пассивно вести себя на семинаре, активно высказываться в официальном чате и ругать преподавателя в чате неформальном в один и тот же момент, что невозможно при живом общении.

Для социальных сетей характерен конфликт между массовостью и индивидуализацией, между деградацией и развитием. Социальные сети поощряют иметь собственное мнение и высказывать его, обучаться, соприкасаться с новыми культурами, самоактуализироваться и делиться своим творчеством или идеями, привлекая единомышленников. Дистанция между «героем» и обычным человеком сокращается настолько, что «героем» может считаться каждый [6]. С другой стороны, обилие самореализующихся личностей заставляет каждого кричать о себе как можно громче, чтобы быть заметным, что провоцирует преобладание ложного Я, гонку за виртуальной популярностью или отказ от самореализации как заведомо недостижимой. Социальные сети, будучи в том числе средствами массовой информации, обладают информационными фильтрами, цензурой, распространяют прежде всего массовые представления, и владельцы каналов нередко действуют через классический механизм внушения, поскольку это действенный способ завоевать популярность. В силу нехватки времени и желания они нередко пользуются непроверенными источниками.

Главная особенность социальных сетей – мгновенное распространение информации, которая может быть и очень ценной, и совершенно ложной. Сами участники сообщества могут вести себя как толпа, некритично принимая на веру всё, что им сообщили, либо, напротив, отвергая всё, что приходит из интернета, как недостойное доверия и внимания. Механизм «снежного кома», когда информация или поведение быстро охватывает огромное количество людей, обрастая новыми привнесенными «по пути» характеристиками, свойственен и слухам в толпе, и идеям в любых массмедиа, но в социальных сетях это происходит с огромной скоростью, технически легко и часто происходит через лично знакомых, а не «безликих» участников: через друзей в социальных сетях, через блогеров и лидеров популярных каналов, на которые индивид давно подписан, через соседские и рабочие чаты, т. е. через доверительный личный контакт, что совершенно не характерно для толпы.

Риски, связанные с социальными сетями: нарушение личного пространства и утечка личной информации, финансовые риски, преследование, stalking и буллинг в сетях, синдром Вертера (подражательные суицид и саморазрушение) – имеют свою цифровую специфику. При сиюминутном виртуальном контакте легко скрыть свою личность, ввести собеседника в заблуждение или вообще прервать контакт, – в долговременной перспективе обилие цифровых следов позволяет собрать огромное количество информации, которой индивид не собирался делиться ни с кем. Особый риск несет взлом аккаунтов и сложность юридического доказательства при кибермошенничестве [2].

Таким образом, в социально-психологическом аспекте проблематики социальных сетей значимой представляется трансформация понимания группы и групповой роли, механизмов подтверждения этой роли в социально-сетевой «драматургии», с учетом специфики восприятия в цифровой среде. На личностном уровне это отражается в изменении процессов формирования идентичности и сдвиге границ идентичности. В социальных сетях можно отметить определенные особенности формирования

структуры малых групп, процессов коммуникации и массовых представлений в больших группах.

Список литературы

1. Баева Л. В. Социальные медиа как форма трансценденции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 102–110.
2. Войсунский А. Е. Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21, № 1. С. 21–39.
3. Воронцов Д. В. Гендерные исследования в социальной психологии: границы поля // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6, № 2. С. 8–18.
4. Козочкина Н. Явление тульпы. Опасны ли воображаемые друзья для взрослых? // Psychosearch : ежедневное интернет-издание. 2018. 19 сент. URL: <https://psychosearch.ru/practice/prakticheskaya-psikhologiya/600-phenomenon-of-tulp-imaginary-friends-dangerous-for-adults> (дата обращения: 05.12.2024).
5. Конева А. В., Лисенкова А. А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. С. 14–28.
6. Лисенкова А. А. Современные «герои» новых медиа // Наследие. 2019. № 1 (14). С. 119–124.
7. Патаракин Е. Д. Стайные сетевые взаимодействия // Образовательные технологии и общество. 2005. Т. 8, № 2. С. 278–288.
8. Сутович Е. И. Актуальные аспекты подготовки специалистов в области киберпсихологии // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 3 (64). С. 93–109.
9. Yamamoto H. W., Kawahara M., Tanaka A. A Web-Based Auditory and Visual Emotion Perception Task Experiment with Children and a Comparison of Lab Data and Web Data // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.702106>.

The Socio-psychological Aspect of the Role of Social Media in the Youth and Adolescents' Lives

About the author: Zelentsov Yaroslav Vladimirovich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)³.

Abstract. This paper explores the socio-psychological aspect of such the digitalization phenomenon as social media. The author analyzes the transformation of the group and group roles in social networks as well as psychological mechanisms of social role conformation and so called identity shift in virtual reality. The paper shows several features, including the specifics of social perception, the formation of group structures, processes of interaction, and the translation of mass representations in social networks. A number of significant contemporary studies on the issues of emotional perception in the internet, the processes of identification and formation of identity boundaries, as well as network interactions in the digital environment, are presented.

Keywords: group, group role, identity, cyber psychology, network interaction, network community, social networks, group structure, digitalization.

³ **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Психологические факторы, влияющие на эффективность адаптации государственных гражданских служащих

Сведения об авторе: Коробов Илья Станиславович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Подготовленные тезисы посвящены проблематике психологических факторов, влияющих на эффективность адаптации государственных гражданских служащих. Изучены различные взгляды на масштаб и качество проблем, которые оказывают влияние на ощущение гражданских служащих в рабочей обстановке. В связи с этим ставится задача определения некоторых психологических характеристик, свидетельствующих об успешной адаптации государственного гражданского служащего, а также необходимой степени адаптационных элементов внутри экосистемы государственного управления для достижения положительных результатов в этой отрасли.

Ключевые слова: профессиональное развитие, государственная гражданская служба, взаимодействие, исполнение поручений, деформация, поведение, исполнители, факторы, среда, адаптация.

Развитие видов и форм взаимодействия общества и государства определяют тенденции, в соответствии с которыми изменяются требования к реализации государственного

¹ **Научный руководитель:** Сморгалова Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

управления, а также внутренние механизмы реализации основных функций и компетенций, реализуемых кадрами в составе органа государственной власти. В свою очередь, это подтверждается словами современных исследователей, которые утверждают, что наступает новое время для государственной службы. Это подтверждается и статистикой, которая показывает, что ежегодно государственный аппарат пополняют новые сотрудники.

Согласно статистическому анализу, проведенному Росстатом, «число работников, занимающих должности в системе государственной гражданской службы, составляет примерно семьсот тысяч» (данные за 2022 год) [14]. На федеральном уровне был представлен проект «Государство для людей», который устанавливает меры по совершенствованию имеющихся методов реализации внутренней кадровой политики в органах управления [5].

Также можно отметить, что «преобразование государственной службы играет значительную роль в ускорении экономического роста нации, так как при её эффективной и инновационной работе возможно обеспечить стабильное развитие системы государственного управления, которая сосредоточена на реализации ключевых стратегических задач государственной политики» [10, с. 6].

На основании множества научных представлений об этом процессе, можно выявить, что адаптация имеет несколько представлений в отрасли психологии, в частности, в контексте организационной психологии. Во-первых, это непосредственно процессы, связанные с приспособлением к определенным условиям (социальным, биологическим и т. д.). Во-вторых, это всегда процесс реализации некоего адаптивного поведения. Так, в контексте профессиональной адаптации стоит отметить непосредственную связь ее подвидов – социальной и психологической адаптации. Это процессы приспособления личности к новым условиям, ввиду изменений непосредственно социального характера. Психологическая адаптация связана с наполнением данного процесса эмоциональной составляющей конкретного человека. По

А. Л. Венгер, качество психологической адаптации связано с условиями профессиональной адаптации [4].

Некоторыми учеными, в частности, Э. Ф. Зеером [9], делается акцент на том, что это сложный, многосоставной процесс урегулирования и гармонизации взаимодействия специалиста и профессиональной среды, результатом которого является формирование новых навыков, знаний, профессиональных особенностей и качеств. Следовательно, профессиональная адаптация является процессом интеграции в профессию либо интеграции знаний, умений и навыков на профессиональном уровне.

Адаптация государственных гражданских служащих – это процесс интеграции новых сотрудников в организационную среду, который включает в себя освоение должностных обязанностей, установление социальных связей и понимание корпоративной культуры в сфере государственной гражданской службы.

Дополнительно стоит отметить и позицию Я. С. Давлятовой [6], в соответствии с которой прослеживаются определенные тенденции.

В первую очередь это возрастающая значимость исследований в области психологической стороны адаптации государственных гражданских служащих.

Во вторую – обеспокоенность тем, что в настоящее время опыт таких исследований достаточно поверхностен. Это связывается с огромным количеством вопросов организационного характера, требующих большего внимания со стороны как исследовательских центров, так и ведомств, в компетенцию которых входит проработка данного вопроса.

Можно сделать вывод, что улучшение внутренней атмосферы и повышение уровня адаптации новых работников способствуют достижению качества государственного управления как в целом, так и в рамках отдельных полномочий во время выполнения государственных функций на высоком, эффективном уровне. Важно помнить, что для успешной реализации запланированных мероприятий необходимы квалифицированные специалисты, которые чувствуют себя уверенно и комфортно, выполняя свою работу.

Цель работы: изучить и определить качественные характеристики, влияющие на эффективность адаптации государственных гражданских служащих.

Материалы и методы: основной подход к исследованию заключается в теоретическом анализе актуальных работ в сфере управленческой психологии, социальной психологии, а также в теории государства и управления.

Теоретическую базу исследования составили работы С. В. Авилкиной «Повышение квалификации государственных гражданских служащих субъектов РФ в условиях цифровизации» [1]; Я. С. Давлятовой «Формирование комфортной психологической среды как фактор успешной адаптации государственных гражданских служащих» [6]; Е. В. Дроздовой «Особенности межличностного взаимодействия государственных служащих» [8], Д. Л. Моисеева «Психологические особенности межличностных конфликтов во взаимоотношениях государственных служащих и условия их предупреждения» [12], Э. Ф. Зеера «Психология профессий» [9], И. А. Милославовой «Понятие и структура социальной адаптации» [11] и др.

Проведенное исследование показывает: адаптация сотрудников – неотъемлемый элемент в формировании устойчивой системы работы аппарата органа государственной власти. Для повышения результативности государственной службы необходимо интегрировать современные управленческие технологии в систему управления государственными служащими. Процесс адаптации включает в себя несколько этапов, начиная от принятия решения о трудоустройстве до полной интеграции в рабочий коллектив и выполнения служебных обязанностей на высоком уровне. Однако на практике развертывания данного процесса, существует большая вероятность столкнуться с рядом трудностей, которые могут существенно снизить эффективность работы нового сотрудника и даже привести к его уходу из системы государственной службы.

Адаптация государственного гражданского служащего является некой совокупностью действий по привыканию кадров к производственным требованиям на рабочем месте, как на ми-

кроуровне (уровень отдела/непосредственного коллектива), так и на макроуровне (уровень всего ведомства, а также сфера воздействия на результат своей работы по отрасли органа).

В свою очередь, исследователями в области организационной психологии выделяются следующие виды адаптации:

1. Профессиональная.

На этом уровне происходит освоение профессиональных навыков и знаний, необходимых для выполнения конкретных должностных обязанностей. Работник должен ознакомиться с внутренними регламентами, процедурами и стандартами работы, а также научиться эффективно использовать доступные ресурсы и инструменты. Важным аспектом профессионально-делового уровня является развитие компетенций, связанных с управлением временем, принятием решений и взаимодействием с коллегами и подчиненными. Также стоит отметить, что в связи с профессиональной адаптацией на первое место выходит некая синхронизация знаний, умений и навыков человека с требованиями к нему в профессиональном плане.

2. Психофизиологическая.

Данный вид связан с приспособлением организма работника к физическим и психическим нагрузкам, связанным с выполнением служебных обязанностей. Это особенно актуально для должностей, требующих высокого уровня концентрации внимания, стрессоустойчивости и физической выносливости.

3. Социально-психологическая.

Этот уровень связан с интеграцией работника в коллектив, приспособлением лица к социально-психологическим условиям рабочей среды и формированием межличностных отношений. Важно наладить конструктивное взаимодействие с коллегами, руководством и подчиненными, а также адаптироваться к корпоративной культуре и нормам поведения в организации. Социально-психологическая адаптация включает в себя формирование благоприятных межличностных отношений (доверия, взаимопонимания), освоение определенных социальных ролей, а также приобретение своего профессионального Я.

4. Организационная.

Предполагает ознакомление работника с правовыми основами деятельности государственного органа, включая законодательство, регулирующее деятельность конкретной сферы, а также внутренние нормативные акты и положения. На данном этапе работник должен усвоить принципы работы в рамках правового поля, понимать свои права и обязанности, а также соблюдать установленные процедуры и правила.

Внедрение и развитие современных методов управления персоналом неразрывно связано с прогрессом кадровых технологий, которые ориентируются на определение показателей личной эффективности сотрудников. Эти показатели играют ключевую роль в оценке вклада каждого работника в общие результаты ведомства. По мнению многих исследований, установление показателей личной трудовой эффективности начинается с момента вхождения сотрудника в организацию, в процессе его профессиональной адаптации. Хорошо продуманная программа адаптации помогает новичку быстрее освоиться в коллективе, понять свои задачи и ответственность, познакомиться с корпоративной культурой и неформальными правилами поведения.

Так, к примеру, исследование адаптации государственных служащих РАНХиГС в Инспекции Федеральной налоговой службы (ИФНС) Московской области предоставляет важные данные о процессе интеграции новых сотрудников в профессиональную среду. Важно отметить, что используется комбинация методов, включая наблюдение, анкетирование, аудит персонала и анализ кадровой документации, что обеспечивает комплексный подход к изучению темы.

Согласно результатам опроса, более половины (52,2 %) сотрудников считают, что их адаптация к рабочим условиям произошла менее чем за месяц, что может свидетельствовать о благоприятной адаптационной среде и отработанных процессах знакомства с рабочими обязанностями. В то же время 28,2 % сотрудников отметили, что их адаптационный период продолжался более полугода, что может указывать на наличие различных фак-

торов, усложняющих этот процесс, таких как сложность работы или недостаточная подготовка самого специалиста при назначении на должность.

Кроме того, результаты показывают, что большинство сотрудников выражают положительное мнение о периоде адаптации, считая его достаточно эффективным. Однако, несмотря на это, выявлены и проблемы. Например, значительная часть (35,7 %) респондентов указали на недостаточную поддержку со стороны наставников, что связано с их перегруженностью текущими задачами. Этот аспект подчеркивает важность выделения специального времени для наставничества и необходимость материальных стимулов для наставников, чтобы они могли полноценнее поддерживать новых сотрудников, что говорит о преобладании социально-психологического аспекта.

Дополнительно стоит отметить исследования, проведенные Д. Д. Донниковым и П. В. Дурновцевой, которые показали, что, несмотря на наличие достаточно прочных и устоявшихся социальных гарантий, эти меры не способны полностью компенсировать финансовые потери сотрудников, что может негативно сказаться на их удовлетворенности работой и профессиональной мотивации [7].

По данным Национального агентства финансовых исследований, значительное количество госслужащих испытывает периодическое выгорание, что подчеркивает важность решения вопроса о перегрузке сотрудников и отсутствии баланса между приложенными усилиями и вознаграждением за реализованные проекты. Системный подход к решению данных проблем, включая адаптацию методов работы и поддержку психоэмоционального состояния сотрудников, может существенно улучшить не только моральный климат в органах власти, но и их общую эффективность [1].

Также, в дополнение к исследованию, проведенному Л. Н. Антиловой, Л. С. Каиржановой и Д. В. Лазаренко [2], можно сказать, что государственные служащие, учитывая особенности профессиональной деятельности, находятся в зоне по-

вышенного риска эмоционального выгорания. К причинам, способствующим этому явлению среди госслужащих, относятся:

- напряженность и высокая интенсивность работы, необходимость оперативно принимать решения в условиях нехватки времени и информации;
- большое количество документов, требующих высокой концентрации и внимательности;
- значительная ответственность за принимаемые решения и их последствия;
- постоянное взаимодействие с различными людьми, включая конфликтных и эмоционально нестабильных;
- ограниченная автономия и возможность влиять на ход и результаты своей работы;
- дисбаланс между высокими требованиями к профессиональным навыкам и уровнем заработной платы;
- ненормированный график, необходимость задерживаться на работе, а также трудиться в выходные и праздничные дни;
- отсутствие сформированной культуры психологической безопасности и практик психологической работы с кадровым составом.

Данные элементы показывают взаимосвязь между эмоциональным выгоранием госслужащих и такими факторами, как личностная тревожность и жизненная стойкость. Частые переживания неудач, эмоциональное перенапряжение и отсутствие возможности для восстановления могут привести к снижению интереса к работе, ее обесцениванию, а следовательно, к падению удовлетворенности и вовлеченности. Учеными в области организационной психологии также отмечаются следующие последствия:

- тревожность и обсессия;
- апатичные свойства и отсутствие фокуса;
- головные боли, отсутствие аппетита.

В свою очередь, становится очевидной необходимость комплексного пересмотра системы мотивации госслужащих и формирования благоприятной психологической обстановки. Матери-

альные стимулы играют не последнюю роль в мотивации сотрудника, но именно нематериальные стимулы (возвращаясь к вышесказанному, стоит уточнить, что необходимо сделать упор именно на социально-психологических аспектах) позволят создать наиболее благоприятные условия для психологической адаптации и профессионального развития сотрудников. Так, можно учесть идеи мотивационного HR-разнообразия и инклюзивности, предложенные С. И. Сотниковой [13], которые предполагают стратегический подход к пониманию различных мотивов госслужащих, и заключаются в том, чтобы учитывать уникальные характеристики человека на разных этапах профессионального становления. Создание демократичной атмосферы на рабочем месте, где обеспечивают равные возможности для всех сотрудников, может повысить лояльность и удовлетворенность работой, что, в свою очередь, приведет к улучшению качества управления и повышению доверия к госслужбе.

Сегодня в ряде государственных органов внедряются, испытываются и применяются программы наставничества. Более опытный специалист, выступая в роли наставника, делится своими знаниями с новыми сотрудниками, помогая им выполнять служебные обязанности на высоком профессиональном уровне.

В частности, в центральных аппаратах органов исполнительной власти такая программа существует, однако ее использование оставляет желать лучшего; на уровне территориальных органов она вовсе отсутствует. Молодым специалистам порой трудно адаптироваться на новом месте из-за обилия информации и особенностей системы иерархии на работе, поэтому создание и внедрение комплексной программы адаптации для молодых специалистов становится важной задачей для всех органов государственной власти России. Основная цель этой программы состоит в том, чтобы помочь сотрудникам как можно быстрее начать эффективно выполнять свои обязанности на новом месте.

Программа включает несколько ключевых этапов:

1. Анализ готовности нового сотрудника: этот этап необходим для разработки оптимального плана адаптации молодого специа-

листа с учетом проработки его психологических предубеждений. В свою очередь, это необходимо для анализа «вводных навыков» и особенностей сотрудника в рамках психологического мониторинга. Это позволит выровнять условия формирования климата в коллективе с учетом особенностей нового специалиста для его более эффективной адаптации.

2. Знакомство: на этом этапе происходит ознакомление с обязанностями и требованиями, предъявляемыми к сотруднику со стороны его Управления, а также с корпоративной культурой и неформальными традициями коллектива.

3. Специалист, изучив документацию, начинает выполнять практические действия, старается следовать правилам, установленным внутри коллектива.

4. Оценка эффективности, критерии и показатели: этот этап завершает процесс адаптации и ознаменует начало стабильной работы. После его окончания каждый сотрудник заполняет опросный лист (анкетную форму), результаты которого помогут оценить условия труда, уровень психологической напряженности в коллективе и систему адаптации в органе исполнительной власти.

План адаптации, предложенный в рамках программы, позволит оценить психологические особенности, профессиональные и управленческие способности нового сотрудника, а также его потенциал в первые месяцы работы. Каждого нового сотрудника будет курировать ответственное лицо, что даст возможность планировать карьеру специалиста на период от одного до двух лет.

Таким образом, ускорив процесс вхождения в должность, сотрудник сможет достичь необходимой эффективности в кратчайшие сроки и снизить вероятность ошибок, связанных с освоением обязанностей, что также способствует уменьшению текучести кадров за счет укрепления качества межличностных отношений между подчиненными и руководителями.

Особое внимание следует уделить предотвращению профессионального выгорания среди управленцев (руководителей) среднего звена, которые часто испытывают двойное давление: необ-

ходимо соответствовать ожиданиям высшего руководства и одновременно поддерживать мотивацию среди своих сотрудников. Это подтверждается также результатами работ таких исследователей, как В. А. Штроо [15], Е. Н. Баширина и И. С. Казанцев [3]. Анализируя их заключения, можно отметить, что на данный момент, в связи с выгоранием начальства, развивается культура «моббинга» и «газлайтинга». Моббинг – совокупность действий, негативное психологическое воздействие на человека в коллективе. Газлайтинг – форма психологического насилия, при которой человек или группа людей заставляют сотрудника сомневаться в правильности своих действий. Исследователями отмечается, что в данный момент моббинг и газлайтинг присущи множеству кадровых систем. Данные явления характеризуются своими деструктивными свойствами, отрицательной формой разрешения конфликтов в коллективе и в организации и чаще влияют именно на «новичков»: у молодых специалистов снижается продуктивность, понижается мотивация, не возникает ощущение, что ты часть коллектива. Исследователи связывают это с постоянной неблагоприятной социально-психологической обстановкой, которая в свою очередь связана с недостаточным уровнем компетенций руководства в сфере управления и разрешения конфликтных ситуаций, а также неправильным распределением нагрузки и ответственности между кадрами.

Для данной группы работников максимально важно организовать специальные программы поддержки, включающие обучение навыкам стресс-менеджмента, тайм-менеджмента и эффективной коммуникации.

В будущем необходимо продолжить развитие научно-методической базы, касающейся управления адаптационными процессами в государственном секторе, а также разработать и внедрить инновационные подходы к созданию комфортного психологического климата. Эти подходы должны учитывать современные тенденции в области организационной психологии и управления кадрами, а также уникальные аспекты государственной службы как специфического вида профессиональной деятельности. Та-

кие меры помогут более эффективно решать задачи привлечения, адаптации и удержания высококвалифицированных специалистов в системе госуправления.

Таким образом, для повышения эффективности системы адаптации можно предложить разработку программ, которые предусматривали бы улучшение условий для наставников, а также создание более структурированных и тонких процессов, особенно в части социально-психологических аспектов, способствующих ускорению адаптации новичков, например, введение предварительных обучающих курсов или выделение времени для общения, а также периодические тестирования психологического характера для дальнейшего анализа психологических факторов, влияющих на адаптационную среду в каждом конкретном коллективе ведомства.

Кроме того, особое внимание следует уделить профилактике выгорания. Введение программ, направленных на балансировку рабочего и личного времени, а также практики релаксации и медитации помогут сохранять психоэмоциональное здоровье сотрудников. Такой комплексный подход обеспечит стабильное развитие государственного сектора и повысит качество предоставляемых услуг.

Список литературы

1. Авилкина С. В. Повышение квалификации государственных гражданских служащих субъектов РФ в условиях цифровизации // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. Вып. 84. С. 187–206.
2. Антилогова Л. Н., Каиржанова Л. С., Лазаренко Д. В. Взаимосвязь эмоционального выгорания, личностной тревожности и жизнестойкости государственных служащих // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 3. С. 571–580.
3. Баширина Е. Н., Казанцев И. С. Проблема ответственности работодателей за моббинг сотрудников // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-1(90). С. 33–36.
4. Венгер А. Л. Структура психологического синдрома // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 82–92.

5. Государство для людей: Федеральный проект // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/gosudarstvennoe_upravlenie/gosudarstvo_dlya_lyudey/ (дата обращения: 21.11.2024).
6. Давлятова Я. С. Формирование комфортной психологической среды как фактор успешной адаптации государственных гражданских служащих // Вестник науки. 2024. Т. 2, № 11(80). С. 896–908.
7. Донников Д. Д., Дурновцева П. В. Мотивация государственных служащих в органах власти субъектов Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации // Актуальные проблемы безопасности в техносфере. 2024. № 2 (14). С. 23–27
8. Дроздова Е. В. Особенности межличностного взаимодействия государственных служащих // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия : Психология. 2018. № 1 (23). С. 151–160.
9. Зеер Э. Ф. Психология профессий : учебное пособие для студентов вузов. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2003. 329 с.
10. Меркулов П. А., Филонов В. И., Малахова О. В. Роль государственной службы в реализации целей устойчивого развития государства // Власть. 2016. Т. 24, № 5. С. 15–20.
11. Милославова И. А. Понятие и структура социальной адаптации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1974. 18 с.
12. Моисеев Д. Л. Психологические особенности межличностных конфликтов во взаимоотношениях государственных служащих и условия их предупреждения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997. 23 с.
13. Сотникова С. И. Мотивация трудовой деятельности государственных гражданских служащих: разнообразие и инклюзивность // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 2. С. 399–418.
14. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления : статистические данные 2022 // Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11191> (дата обращения: 21.11.2024).
15. Штроо В. А. Моббинг: экстремальные условия для личности или групповой защитный механизм? // Личность в экстремальных условиях : сборник научных трудов : в 2 ч. / ред. А. А. Бучек, Ю. Ю. Неяскина, М. А. Фризен. Петропавловск-Камчатский : Камчат. гос. ун-т им. Витуса Беринга, 2012. Вып. 2, ч. 1. С. 107–111.

Psychological Factors Influencing the Effectiveness of Adaptability of State Civil Servants

About the author: Korobov Iliya Stanislavovich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. This paper focuses on the psychological factors that influence the effectiveness of adaptation among civil servants. Various perspectives on the scope and severity of problems that impact the experience of civil servants at work were examined. In this regard, the objective is to identify certain psychological characteristics that indicate successful adaptation of civil servants, as well as the necessary level of adaptive elements in the public administration ecosystem to achieve positive outcomes in this area.

Keywords: professional development, civil service, interaction, execution of orders, behavior, factors, adaptation, environment.

² **Scientific supervisor:** Smorkalova Tatyana Leonidovna, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of General and Applied Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Ложь как ресурс психологической безопасности подростков в цифровой среде

Сведения об авторе: Ледянкина Елизавета Евгеньевна, аспирант 1-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Подростковый период – это время интенсивного личностного роста, сопровождающегося физическими, эмоциональными и социальными изменениями. На фоне этих изменений часто возникает необходимость защитить собственную идентичность и внутренний покой. Одним из механизмов, используемых подростками для обеспечения психологической безопасности, является ложь. Ложь как социально-психологическое явление неоднозначно воспринимается обществом. С одной стороны, она осуждается, поскольку нарушает моральные нормы, с другой стороны, может выполнять адаптивную функцию, защищая человека от внешних угроз и эмоционального дискомфорта.

Ключевые слова: ложь, подростковый возраст, психологическая безопасность, цифровая среда.

Ложь в подростковом возрасте часто является главным способом снижения уровня стресса или защиты от эмоционального дискомфорта. Она является одним из способов достижения психологической безопасности.

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Потребность в безопасности – одна из основных потребностей человека. Психологическая безопасность личности – это состояние защищенности личности, обеспечивающее ее целостность как активного социального субъекта и возможности развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой [2].

Семья, окружение, а также роль подростка в обществе имеют ключевое значение в формировании отношения подростка ко лжи. Родители, сознательно или бессознательно, могут вынуждать подростков использовать ложь в определенных ситуациях. Например, жесткий контроль и отсутствие доверия способствуют развитию скрытности и недосказанности: чем жестче родители требуют правды, тем труднее подростку не обманывать [3]. Чрезмерная опека со стороны родителей также становится причиной использования лжи подростками, стремящимися защитить своё личное пространство. Также в качестве причин использования лжи подростками можно указать желание избежать наказания, стремление заслужить поощрение, потребность привлечь к себе внимание, защитить друга, стремление получить похвалу, боязнь утраты любви взрослого, боязнь сделать больно [3].

Если в семье практикуется открытое общение, потребность во лжи значительно снижается. Подросток чувствует, что к его мнению и выбору относятся с уважением, это снижает уровень стресса и тревожности.

Цифровая среда, а именно социальные сети, стала одной из основных платформ для самовыражения, и подростки нередко преувеличивают факты или создают вымышленные образы, чтобы получить одобрение сверстников. Это может проявляться в редактировании фотографий, искажении фактов жизненных событий. В условиях анонимности, которые предлагает интернет, создаётся видимость меньшей ответственности за свои слова и действия. Иногда это приводит к распространению ложной информации, кибербуллингу или созданию фальшивых профилей с целью обмана или манипуляции другими. Подростки могут скрывать истинные детали о себе, чтобы избежать осуждения или дав-

ления со стороны сверстников. Подростки, которые не находят понимания и поддержки в семье, часто ищут поддержки в цифровой среде.

Механизм использования лжи связан с когнитивным развитием. Подростки начинают осознавать, что их слова могут оказывать влияние на восприятие окружающих, а следовательно, и на их собственное положение в обществе. С точки зрения защитных механизмов, ложь можно рассматривать как проявление рационализации. Рационализация позволяет подростку оправдать свои действия и, соответственно, избежать негативных эмоций, связанных с правдой [4].

Проявление склонности ко лжи и усиление ее у подростка в годы школьного обучения создает негативные предпосылки успеха в учебной деятельности, выступает симптомом школьной отчужденности, негативно влияет на все сферы деятельности подростка [1].

Ложь как психологический инструмент имеет свои положительные и отрицательные стороны. В качестве положительных аспектов лжи можно выделить:

1. Помощь в адаптации к сложным условиям. Ложь позволяет подросткам избегать ситуаций, которые могут нанести вред их психике (например, травля или конфликт).

2. Поддержание эмоционального равновесия. Скрывая правду, подросток может избежать чувства стыда или вины, что временно поможет в сохранении им чувства безопасности.

3. Обеспечение защиты личных границ. Ложь помогает подросткам дистанцироваться от тех, кто чрезмерно вмешивается в их жизнь.

Негативные аспекты лжи:

1. Потеря доверия. Ложь может в негативном ключе повлиять на отношения с близкими и партнерами.

2. Риск возникновения зависимости. Если ложь становится основной стратегией решения проблем, это может помешать развитию навыков честного общения. Особенно это проявляется в цифровой среде из-за мнимой безнаказанности.

3. Эмоциональный стресс. Постоянное использование недостоверной информации требует значительных когнитивных усилий и может привести к стрессу.

Таким образом, причины использования подростками лжи могут быть различными, часто ложь становится реакцией на сложные жизненные ситуации, возникающие в жизни подростков, способом защитить себя или самоутвердиться. Отношение ко лжи при этом формируется у подростков в процессе социализации постепенно и преимущественно интуитивно. Большую роль здесь, безусловно, играют межличностные отношения и оценка лжи внутри семьи, но немалое значение имеет и распространенность различных форм лжи и ее амбивалентный характер в жизни общества в целом.

Так, подросток часто может наблюдать социально приемлемые (относительно) неформальные практики лжи: дипломатическая ложь, ложь «во спасение», ложь как реконструкция правды. Нередко молодой человек может сталкиваться в социально-экономической деятельности с примерами оппортунизма как преследования своих интересов в сильной форме (по О. Уильямсону), сопровождаемого поведенческими искажениями (когнитивными и моральными), оправдывающими следование стратегии лжи.

Вместе с тем, принятый в обществе официальный дискурс относительно лжи имеет, как правило, ригористический морализаторский, декларативно-оценочный характер, помещающий ложь под рубрику неприемлемого поведения. Ложь как социально-психологическое явление почти никогда не становится объектом целенаправленной познавательной деятельности. Поэтому одним из путей формирования оптимального отношения подростков ко лжи, с одной стороны, сохраняющего ресурс психологической безопасности, с другой стороны, предохраняющего от чрезмерной эксплуатации обмана, может стать воспитательно-просветительская деятельность.

Список литературы

1. Барсукова О. В. Изучение особенностей и причин подростковой лжи // Молодой ученый. 2012. № 2 (37). С. 216–219.
2. Вербина Г. Г. Психологическая безопасность личности // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 196–202.
3. Николаева Е. И. Как и почему лгут дети? Психология детской лжи. СПб. : Питер, 2011. 176 с.
4. Perry J. C. An Empirical Study of Defense Mechanisms. I. Clinical Interview and Life Vignette Ratings // Archives of General Psychiatry. 1989. Vol. 46 (5). P. 444–452.

E. E. Ledyankina

Lie as a Resource for Psychological Security of Adolescents in the Digital Environment

About the author: Ledyankina Elizaveta Evgenievna, a first-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. The adolescent period is the time of significant personal growth, characterized by physical, emotional, and social changes. Against the backdrop of these changes, there is often a need to protect one's own identity and inner peace. One of the mechanisms that adolescents use to ensure their psychological security is by lying. Lying, as a social and psychological phenomenon, is ambiguously perceived by society. On the one hand, it is criticized because it violates moral standards. On the other hand, it can have an adaptive function, protecting a person from external dangers and emotional distress.

Keywords: lies, adolescence, psychological security, digital environment.

² **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Эмоциональная безопасность подростков в цифровой среде

Сведения об авторе: Матвеева Мария Владимировна, аспирант 1-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Жизнь современного общества связана с быстрым развитием цифровых технологий и повсеместным использованием глобальной сети Интернет. Эта Сеть открывает многочисленные возможности для людей, с ее помощью становится возможным повысить уровень знаний, расширить рамки коммуникаций, определить и развить свой творческий потенциал, удовлетворить различные потребности (развлечения, покупки, путешествия и т. д.). При этом если рассматривать интернет как значимый фактор социализации подростков, то необходимо учитывать и степень влияния цифровой среды на их эмоциональную безопасность. В данной работе проводится анализ эмоциональных аспектов деятельности подростков в активной цифровой среде, в т. ч. на основе исследования о цифровых угрозах для подростков в интернете, проведенного в 2023 году Альянсом по защите детей в цифровой среде.

Ключевые слова: эмоциональная безопасность, подростки, цифровая среда, подростковый возраст, чувство безопасности.

Эмоциональную безопасность можно интерпретировать как уверенность человека в обладании внутренними ре-

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

сурсами для противостояния новым угрозам и опасным ситуациям [4]. Эмоциональная безопасность подростков в цифровой среде – это важная тема для изучения и обсуждения, так как она оказывает влияние на психологическое состояние, социализацию и общее благополучие.

Т. В. Березина определяет эмоциональную безопасность как состояние, при котором возрастает качество и количество подлинных положительных эмоций (эмоции подкоркового уровня, связанные с регуляцией функциональных состояний человека, по А. О. Прохорову), переживаемых субъектами среды, и минимизируется количество отрицательных [2].

Для обеспечения информационной безопасности необходимо укрепление эмоциональной безопасности. В Сети есть пользователи, желающие завладеть конфиденциальной информацией других пользователей, так называемые интернет-преступники, или кибермошенники. Они пользуются эмоциональной уязвимостью подростков с целью собственной выгоды. Кибермошенники пользуются такими эмоциями, как растерянность тревога, неуверенность, бессилие и одиночество. В случае укрепления эмоциональной безопасности подростки смогут идентифицировать эти эмоции, чтобы минимизировать риски стать жертвой в цифровой среде.

В контексте метапарадигмы чувство безопасности, или эмоциональная безопасность, представляет собой чувство принятия и уверенности в том, что человек находится в правильном месте в окружении нужных людей [4], так как от субъекта могут исходить и угроза, и защита [1]. Эмоциональная безопасность как состояние связана с уверенностью человека в обладании внутренними ресурсами для противостояния новым угрозам и опасным ситуациям [4].

Характерные особенности развития, становления, кризисных переживаний, актуализации социального статусного и ролевого наборов современного подростка, особенности организации его досуга и т. д. становятся источниками для активизации воздействия на несовершеннолетних негативных факторов окружающей социальной среды, в том числе и информационной [3].

На основании вышеизложенного изучение и укрепление эмоциональной безопасности в подростковом возрасте является важной задачей для исследователей, педагогов и родителей. В данной работе мы рассмотрим основные угрозы, с которыми сталкиваются подростки в цифровой среде, а также предложим способы обеспечения и поддержания эмоциональной безопасности.

В 2023 году Альянс по защите детей в цифровой среде провел исследование цифровых угроз для подростков в интернете. В результате исследования установлено, что 96 % подростков России сталкиваются с цифровыми угрозами, среди которых самыми распространенными считаются фейки, мошенничество, игровая зависимость, интернет-зависимость и кибербуллинг [5].

Среди главных угроз эмоциональной безопасности подростков в цифровой среде можно указать следующее [6]:

1. Фейки (или фейковые новости) – это ложные сведения или намеренное распространение дезинформации с целью воздействия общественным мнением, введение в заблуждение для получения выгоды. В аспекте эмоциональной безопасности подростков фейки представляют серьезную угрозу в цифровой среде. Подвергаясь данному воздействию, подростки могут испытывать такие эмоции, как разочарование, обида, страх, грусть, тревога, а также недопонимание и бессилие. Вкупе эти эмоции вызывают эмоциональное напряжение, которое может выражаться в социальной изоляции, депрессии или проблемах с самооценкой. Распространение дезинформации формирует в умах подростков искаженные представления о реальности, что в свою очередь негативно влияет на их эмоциональную безопасность.

2. Мошенничество в цифровой среде – умышленные действия, путем обмана или злоупотребления доверием, направленные на незаконное приобретение права на имущество с целью получения выгоды. Мы рассмотрим материальное мошенничество. Подростки часто становятся жертвами различных схем, сами того не осознавая. Например, при скачивании бесплатных игр на сотовый телефон или компьютер подросток вместе с установочным файлом скачивает и скрытые вредоносные программы, которые

предают все данные с этого устройства преступнику. Это могут быть данные браузера, в котором сохранены логины и пароли от входа в онлайн-банк, госуслуги, электронную почту и т. д. Чем больше автоматически сохраненных данных присутствует на данном устройстве, тем меньше шансов у подростков восстановить свои персональные данные и сохранить материальные накопления. В социальных сетях распространены случаи завладения личной страницей пользователя и рассылки от его имени сообщений с просьбой займа денежных средств. Данные мошеннические схемы развиваются стремительно, все видео- и аудиосообщения, отправленные нами, могут быть использованы против нас. Когда подросток понимает, что стал жертвой, он ощущает беспомощность, вину, чувство стыда и страха. Это вызывает страх перед общением в интернете, боязнь скачивания и установки программ, а также приводит к снижению доверия к окружающим, так как мошенники могут быть на шаг впереди.

3. Игровая зависимость (игромания) – болезнь, выражающаяся в неконтролируемом влечении к играм в цифровой среде. В видеоигре подростки, с помощью персонажа, могут создать идеализированный образ себя, «надев маску», высказаться о том, чего в реальной жизни сказать не могут, или получить свободу, которой нет в реальности. Все это влияет на эмоциональную безопасность и общее благополучие подростков. Игромания может стать причиной ряда проблем, таких как депрессия, изоляция, повышение беспокойства, появление семейных конфликтов и ухудшение успеваемости. При игровой зависимости подростки испытывают трудности во взаимодействии в реальной жизни.

4. Интернет-зависимость – это состояние, проявляющееся в неконтролируемом желании пользования цифровой средой, а именно социальными сетями, новостными пабликами, различными стриминговыми платформами и т. д. В настоящее время у подростков изменился принцип потребления контента, они находятся в непрерывном потоке информации. Они пытаются «быть всегда на связи», чтобы не пропустить что-то важное, не упустить выгоду. Постоянное нахождение в цифровой среде затрудняет

формирование здоровых межличностных отношений, а также может искажать восприятие реальности.

5. Кибербуллинг – процесс оказания психологического давления в цифровой среде, человеком и группой лиц, объектом которого является подросток, который отличается от общей массы коллектива по физическим или социальным критериям. Целью является формирование ощущения или демонстрация собственного превосходства подростка перед окружающими. Кибербуллинг приводит к формированию чувства тревоги и лишению чувства безопасности. Регулярное воздействие кибербуллинга может привести к социальной изоляции и ухудшению психологического здоровья и требует вмешательства со стороны родителей и специалистов.

На основании изложенного можно также предложить следующие способы поддержания эмоциональной безопасности подростков в цифровой среде:

1. Информирование, развитие цифровой грамотности. Для формирования у подростков знаний о рисках цифровой среды важно проводить открытые уроки и обучать их приемам и способам предотвращения этих рисков. Подросткам нужно развивать навыки критического мышления. Приучить себя проверять информацию, ссылаться на первоисточники, этот опыт поможет им отличать достоверную информацию от недостоверной.

2. Создание поддерживающей среды. Преподавателям, специалистам образовательной среды и родителям необходимо создавать доверительную атмосферу и оказывать необходимую поддержку. В случае создания благополучной обстановки и доверительной коммуникации подростки смогут открыто обсуждать свои проблемы и переживания.

3. Родительский контроль. Очень важная и последовательная задача. Она состоит в установлении временных границ и ограничении доступа к нежелательному контенту для подростка в цифровой среде на протяжении нескольких лет. В случае выявления напряженности при коммуникации или проявлении зависимости в цифровой среде необходимо своевременно обратиться к специалистам для профилактики или лечения.

В заключение хотелось бы вновь отметить, что эмоциональная безопасность подростков в цифровой среде является важным аспектом их развития и благополучия. Понимание угроз и разработка стратегий для преодоления соответствующих рисков помогут создать более безопасную и поддерживающую цифровую среду жизни молодых людей. При этом важно чтобы родители, преподаватели и сами подростки взаимодействовали совместно для обеспечения эмоциональной безопасности в условиях современного мира. Необходимо продолжать исследовать и обсуждать эту тему, искать новые решения и подходы, соответствующие вызовам нашего времени.

Список литературы

1. Баева И. А. Психология безопасности: история, становление, перспективы // Национальный психологический журнал. 2007. № 1 (2). С. 65–69.
2. Березина Т. Н. Об эмоциональной безопасности образовательной среды // Психология и психотехника. 2013. № 9 (60). С. 897–902.
3. Волченкова А. А. Специфика социальной адаптации и склонности к отклоняющемуся поведению у подростков в условиях цифровизации // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 2. С. 144–154.
4. Зотова О. Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути // Дискуссия. 2015. № 9 (61). С. 76–84.
5. Исследование показало, что более 90 % подростков в РФ сталкиваются с цифровыми угрозами // ТАСС : информационное агентство. 2023. 4 сент. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18647327> (дата обращения: 22.11.2024).
6. Организация защиты детей и подростков от негативного воздействия интернета в России : социологическое исследование. М. : Альянс по защите детей в интернет-среде, 2023. 15 с.

Emotional Security of Adolescents in the Digital Environment

About the author: Matveeva Mariya Vladimirovna, a first-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. Contemporary society is inextricably linked to the accelerated advancement of digital technologies and the ubiquitous adoption of the worldwide Internet. This network offers numerous opportunities for individuals, allowing them to enhance their knowledge, improve their communication skills, discover and develop their creativity, and meet various needs such as entertainment, shopping, and travel. Nonetheless, when we consider the internet as a crucial element in the process of socialization among adolescents, it becomes essential to carefully evaluate the extent to which the digital realm impacts their emotional security. The focus of this work is on the analysis of the emotional aspects of adolescents' activities in the digital environment, based on a study conducted in 2023 by the Alliance for Children's Protection in the Digital Environment which explored digital threats faced by adolescents online.

Keywords: emotional security, teens, digital environment, adolescence, sense of security.

² **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Новые сущности цифрового мира: цифровые двойники, симулякры, агенты

Сведения об авторе: Никонova Ольга Сергеевна, магистрант 1-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Интенсивное развитие цифровых технологий создало новый цифровой мир. Чтобы ориентироваться в цифровом мире, необходимо его описание, которое можно получить путем классификации сущностей цифрового мира. Такую попытку предпринимает автор. В качестве основания для классификации автор рассматривает индивидуальность и поведение. Результатом классификации являются цифровые двойники – сущности, обладающие максимальной индивидуализацией, но не обладающие поведением, цифровые агенты – сущности, не обладающие индивидуальностью, но обладающие коллективным поведением, и симулякры – сущности, обладающие индивидуальностью и индивидуальным поведением. Рассмотрены примеры и перспективы использования симулякров.

Ключевые слова: искусственный интеллект, псевдоличность, симулякр, цифровой двойник, цифровой агент.

Активное внедрение систем искусственного интеллекта (далее ИИ) в самые разные сферы жизни общества к концу 2024 года достигло невероятной скорости. Последние достижения в науке, а также опыт практического использования систем на базе ИИ в жизни людей ставит перед наукой и обществом

¹ **Научный руководитель:** Гушин Александр Николаевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

© Никонova О. С., 2024

новые проблемы. Исследования в науке, активные разработки в технике и технологиях успешно ведутся уже более 15 лет. Если раньше о реальном эффективном применении разработок на основе ИИ говорили как о далеком будущем, то в конце 2024 года мы видим практическое применение систем на базе элементов ИИ практически во всех сферах жизни человека. Более того, опыт применения уже сейчас показывает, что изобретение ИИ можно назвать новой технологической революцией, которая происходит с небывалой скоростью. Кроме того, сильных моделей и вариантов систем, реализованных на разных технологиях ИИ, участвующих в этой мировой технологической гонке, уже большое количество. Тенденция к субъективизации искусственного интеллекта отмечается в работе [6].

Целью доклада является попытка наметить некоторые актуальные проблемы, обозначить появление нового феномена и предложить классификацию явлений цифрового мира.

Первый вопрос: выбор основания для классификации. С психологической точки зрения наиболее очевидным вариантом является степень индивидуальности цифрового феномена. Понятие индивидуальности имеет богатое содержательное наполнение: «Индивидуальность (от *лат.* *individuum* – неделимое), неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека. В самом общем плане индивидуальность в качестве особенного, характеризующего данную единичность в ее специфических отличиях, противопоставляется типичному как общему, присущему всем элементам данного класса или значительной части их. В истории философии представления об индивидуальности были тесно связаны с разработкой понятия индивида» [4]. В психологии индивидуальность как уникальная совокупность признаков (мыслей, чувств, стремлений, желаний, потребностей, интересов, настроений, переживаний, состояний, поступков, привычек, склонностей, способностей), отличающих данного человека от других людей, рассматривается не просто как набор индивидуальных отличий, а как единая иерархическая структура, разными уровнями которой являются личность, характер, темпера-

рамент. Последнее, а именно иерархическая структура индивидуальных отличий, позволяет перебросить мост между психологией и искусственным интеллектом. Индикатором сложности структуры отличий является «поведение», которое демонстрирует та или иная цифровая сущность. Поведение авторы понимают в традиционном смысле: как реакцию на внешнее воздействие. По шкале индивидуальных отличий авторы выделяют следующие феномены цифрового мира: цифровые двойники, симулякры и агенты.

Цифровой двойник личности

Первоначально понятие цифрового двойника понималось просто как цифровая копия объекта [1]. Затем под цифровым двойником стала пониматься модель объекта – в контексте работы модель личности. Цифровой двойник – симуляция знаний известного человека с помощью ИИ. Цифровой двойник обладает наибольшим количеством индивидуальных черт, но в силу сложности не обладает следующими уровнями иерархии: личностью, характером и темпераментом, следовательно, поведением. Цифровой двойник в настоящее время играет пассивную, но важную роль. Важность роли состоит в том, цифровой двойник формирует саму виртуальную реальность, в которой потом разворачиваются действия, и может служить основой для формирования производных цифровых сущностей. На сегодня уже существуют прикладные мобильные приложения, которые симулируют личность и способны общаться как живой человек. Таким примером может являться разработка REPLICA – цифровой компаньон [10], нейросеть Character AI – цифровые копии известных личностей и героев [8].

Цифровой агент

Цифровой агент – сущность, в наименьшей степени обладающая собственной индивидуальностью. Используется в технологиях агентного моделирования. Агентное моделирование – технология исследования децентрализованных систем, основанная на анализе поведения большого количества относительно автоном-

ных цифровых сущностей, следующих неким наперед заданным правилам «поведения» [5]. Агентное моделирование используется для моделирования пешеходных и автомобильных потоков. В контексте авторской классификации агенты демонстрируют коллективное поведение при полном отсутствии индивидуальности. Аналогом поведения агентов является инстинктивное поведение.

Цифровой симулякр

Термин «симулякр» стал ключевым термином постмодернистской философии, который означает изображение, копию того, чего на самом деле не существует. Симулякр в искусственном интеллекте – это ложное подобие, условный знак чего-либо, функционирующий в обществе как его заместитель [7]. С позиции постмодернистской философии, ИИ представляет собой не копию естественного интеллекта, а копию воображаемой модели человека, созданную на основе различных представлений. Цифровой симулякр человеческой личности – это копия воображаемой модели конкретного человека, созданная на основе различных представлений об этом человеке, с помощью технологий ИИ. Симулякр создан на основе анализа, профиль формировался с участием психологов и социологов. Согласно классификации, предлагаемой автором, симулякр обладает достаточной степенью индивидуализации и может демонстрировать более сложное поведение, чем цифровые агенты.

Примеры создания и перспективы цифровых симулякров

Ярким примером высокой скорости развития науки и технологий на основе ИИ становится создание «цифровой псевдоличности» граждан конкретных государств для использования в реальных прикладных задачах. В сентябре 2024 года в Китае, в Уханьском университете, был сделан прогноз результатов выборов Президента США, итоги которых стали известны 6 ноября 2024 г., с беспрецедентной точностью [9]. Для голосования были применены «искусственные граждане» на базе ИИ-модели

ChatGPT-4o. В ноябре 2024-го в США опубликовали результаты Стэнфордского симулякрового эксперимента, где описали создание тысячи симулякров индивидуального сознания «типовых» американцев на основе генеративного ИИ больших языковых моделей (ChatGPT-4o). В эксперименте описывается два варианта использования ИИ: создание агента, совершающего работу с человеком для оцифровки, и создание самого цифрового клона этого человека [11].

По мнению авторов исследования, видны явные перспективы применения нового феномена «Цифровой симулякр человеческой личности» (далее – ЦСЛ), где обязательно необходимо участие психологов, социологов, психиатров и психодиагностов. В ближайшем будущем возможно возникновение потребности в перечисленных профессиях при создании следующих цифровых симулякров человеческой личности [11]:

- ЦСЛ для исследований развития человека;
- ЦСЛ для исследования нервных и психических заболеваний;
- ЦСЛ для тренировки врачей;
- ЦСЛ для обучения HR специалистов и специалистов сферы услуг при выявлении нервных заболеваний;
- ЦСЛ для проверки знаний признаков нервных и психических заболеваний;
- ЦСЛ – наставников;
- ЦСЛ-диагностов нервных и психических заболеваний;
- ЦСЛ как типовой модели;
- ЦСЛ конкретных представителей социума для исследований в социологии, коммерции и политике;
- ЦСЛ для обучения ЦСЛ по конкретным профессиям сферы услуг людям.

Ранее говорилось, что развитие цифровых технологий обусловило появление новой научной дисциплины – киберпсихологии [2]. Предметом дисциплины является изучение функционирования человеческой психики в условиях виртуальной реальности, создаваемой цифровыми технологиями. Сейчас цифровое психиче-

ское здоровье – важное направление, которое развивается более чем в 15 институтах по всему миру [3].

Бурное развитие информационных технологий привело к формированию новой реальности – цифрового мира, в который все больше погружен современный человек. В связи с этим усилий технических специалистов в области искусственного интеллекта уже недостаточно. Необходимо подключение психологов, психиатров, психотерапевтов и социологов, чтобы помочь человеческому обществу достойно пройти новую техническую и технологическую революцию.

Список литературы

1. Бирев Л. Э., Белкин И. О. Цифровой двойник // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 26. С. 1375–1380.
2. Войскунский А. Е. Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 4. С. 88–90.
3. Доклад М. А. Савиной «Применение искусственного интеллекта в психиатрии: проблемы и перспективы» // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. 2022. 22 марта. URL: <https://phc.hse.ru/humai/news/581284032.html> (дата обращения: 22.11.2024).
4. Индивидуальность // Большая российская энциклопедия : официальный сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/individual-nost-22fa7d> (дата обращения: 22.11.2024).
5. Лебедюк Э. А. Агентное моделирование: состояние и перспективы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2017. № 6 (96). С. 155–162.
6. Соменков С. А. Искусственный интеллект: от объекта к субъекту? // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2019. № 2 (54). С. 75–85.
7. Ястреб Н. А. Искусственный интеллект как симулякр третьего порядка // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2012. № 1. С. 197–202.
8. Character AI : official website. URL: <https://character.ai/> (access date: 22.11.2024).
9. Jiang S., Wei L., Zhang C. Donald Trumps in the Virtual Polls: Simulating and Predicting Public Opinions in Surveys Using Large

Language Models // arXiv : official website. 2024. 3 November. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.01582>.

10. Replika : official website. URL: <https://replika.ai/> (access date: 22.11.2024).

11. Sung Park J., Zou C. Q., Shaw A., Hill B. M., Cai C., Ringel Morris M., Willer R., Liang P., Bernstein M. S. Generative Agent Simulations of 1,000 People // arXiv : official website. 2024. 15 November. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2411.10109>.

O. S. Nikonova

New Entities of the Digital World: Digital Twins, Simulacra, Agents

About the author: Nikonova Olga Sergeevna, a first-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. The rapid development of digital technologies has led to the creation of a new digital world. In order to navigate this digital world, it is necessary to describe its features, which can be achieved by classifying its entities. It is what the author has attempted to undertake. Individuality and behavior served as the basis for the classification. The classification resulted in identifying three entities: digital twins – entities with maximum individuality but no behavior; digital agents – entities without identity but with collective behavior; and finally, the simulacra – entities that possess individuality and individual behavior. In addition, the paper considers examples and perspectives of the use of simulacra.

Keywords: artificial intelligence, pseudonym, simulacra, digital doppelganger, digital agent.

² **Scientific supervisor:** Gushchin Alexander Nikolaevich, Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor of PR and Advertising Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Искусственный интеллект: возможности и риски

Сведения об авторе: Рачёва Ксения Андреевна, студентка 3-го курса направления «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. С появлением нейросетей появился также и большой диссонанс в восприятии новых технологий: с одной стороны, искусственный интеллект открывает широкий горизонт для автоматизации процессов, сокращения времени на определенную работу, но, с другой стороны, такой прогресс часто пугает молодых и начинающих сотрудников. В данных тезисах рассмотрены возможности и риски использования нейросетей для работы в сфере рекламы и PR с конкретными примерами, выделены основные психологические проблемы, с которыми могут столкнуться работники сферы.

Ключевые слова: нейросети, искусственный интеллект, реклама, PR, риски, возможности, психологические проблемы.

Современный мир постоянно претерпевает изменения в связи с развитием информационных технологий. Одним из таких этапов стало возникновение нейросетей, иначе – искусственного интеллекта (ИИ). ИИ, с одной стороны, дает нам очень много возможностей для упрощения работы, но, с другой – давит на психологическое состояние специалистов, особенно молодых и начинающих. В данных тезисах мы разберем влияние нейро-

¹ **Научный руководитель:** Архипова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

сетей на сферу рекламы и PR, так как эта сфера касается моей работы, а также она подвергается изменениям, ведь искусственный интеллект все лучше справляется с креативом, текстами и другими составляющими рекламы и PR.

Начнем с хорошего – с возможностей, которые «дарят» нам нейросети. Нейросети – мощный инструмент, который в правильных руках ускоряет работу. Многие крупные компании это поняли и внедрили искусственный интеллект в рабочие процессы: одни с его помощью пишут тексты для соцсетей, другие экономят на съемках с селебрити, третьи – делегируют ИИ создание картинок. Во-первых, ИИ помогает придумать слоганы, написать рекламный текст или сценарий, стоит только дать правильную задачу, обработать и выбрать наиболее подходящий вариант. Во-вторых, нейросети хорошо справляются с генерированием иллюстраций, которые можно использовать для баннеров, обложек или таргета. ИИ может создать абсолютно вымышленную картинку. Также нейросети могут оживить картинку, добавить фон или создать видео с нуля и даже записать аудиодорожку, стоит только наложить готовый текст (который, кстати, можно также придумать с помощью ИИ) и выбрать нужные интонацию, голос, язык или пол диктора. Если говорить о менее креативных задачах, ИИ уже давно научился сегментировать аудиторию, проводить базовую аналитику данных или планировать и публиковать контент на платформах.

Как уже было сказано ранее, многие крупные компании уже активно используют возможности ИИ в своей работе. Например, в «Спортмастере» на постоянной основе используют нейросеть для создания баннеров. Чаще всего ИИ используют для наращивания фона на широкоформатных баннерах, так как исходное фото не всегда подходит под нужный формат [3].

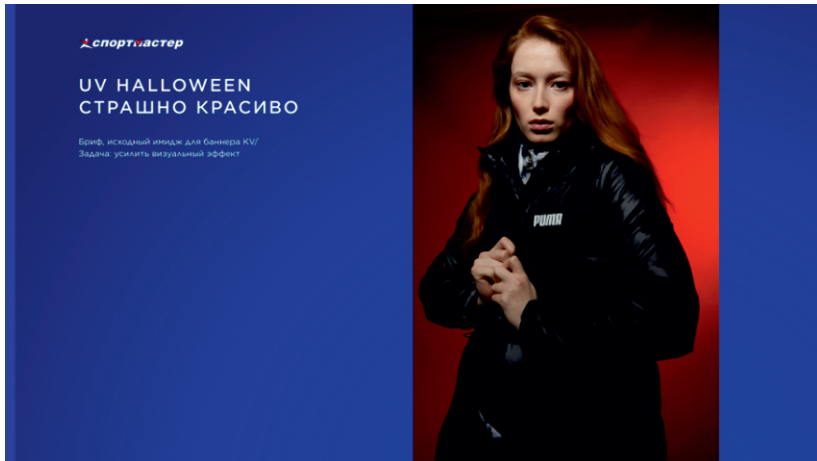

Рис. 1. Первоначальное изображение

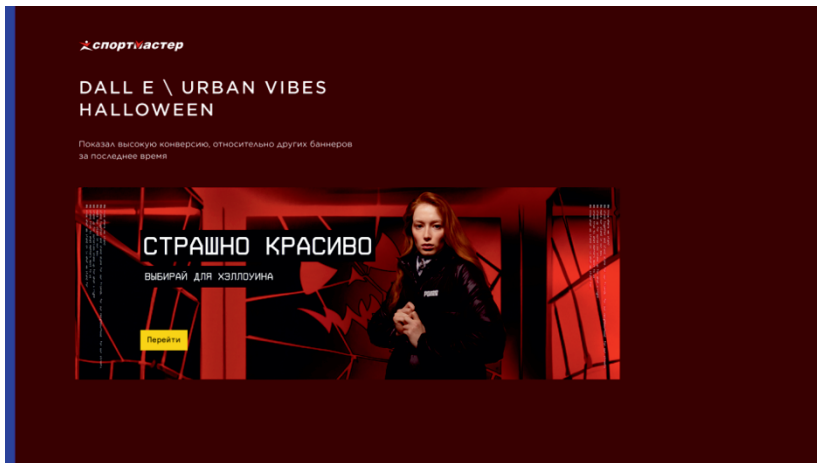

Рис. 2. Готовое изображение, созданное при помощи ИИ

Еще один пример использования нейросетей в крупных компаниях – виртуальный амбассадор Эм.Ви бренда «М.Видео». Компания при помощи ИИ создала фотореалистичного виртуального амбассадора по имени Эм.Ви. Благодаря ИИ Эм.Ви может

проводить стримы, разговаривать с аудиторией, помогать ориентироваться в товарах и сервисах. Виртуальный герой также появляется в email-рассылках и социальных сетях компании [2].

Рис. 3. Виртуальный герой Эм.Ви

Все эти возможности ИИ освобождают специалистов в сфере рекламы и пиар от каких-либо базовых задач, что дает им больше времени на решение более сложных, а также помогают в анализе больших данных, что позволяет выявить тренды и закономерности, которые могут быть неочевидны при традиционных обработках. Нейросети могут предсказывать поведение пользователей, что помогает рекламодателям заранее планировать свои стратегии и улучшать эффективность рекламных кампаний. Проще говоря, компании используют нейросети как помощников, которые позволяют автоматизировать бизнес и освободить работников от рутины, которая не содержит никакого креатива, а также для того,

чтобы люди, у которых, наоборот, не хватает креатива, получили к нему доступ [4].

Теперь поговорим об обратной стороне медали – рисках, которые несет прогресс нейросетей. Анализируя рынок труда, можно сделать вывод о том, что потребность в специалистах в сфере рекламы и пиара особо не снижается, но при этом многие начинающие специалисты испытывают психологические трудности [1].

Во-первых, молодые специалисты могут испытывать беспокойство по поводу своей профессиональной стабильности и перспектив. Осознание того, что их навыки могут быть полностью заменены технологиями, может привести к тревоге и чувству неуверенности в себе и своих навыках. Во-вторых, на рынке труда растет конкуренция, так как многие стремятся адаптироваться к новым условиям. Как человек, который получает высшее образование в сфере рекламы, могу сказать, что часто испытываю стресс и давление, оттого что на данный момент очень много людей без образования занимают рабочие места или работают на фрилансе и зарабатывают на том же, на чем и я, но только для этого они не учатся, а просто используют нейросети. Сравнивают себя с другими многие начинающие специалисты, и это вызывает стресс и негодование. Из этого вытекает третья проблема – снижение мотивации. То есть, если молодые рекламщики видят, что их роли могут быть автоматизированы, то это может снизить мотивацию к обучению и развитию. И далее из этого вытекает еще одна проблема – переосмысление ценностей. Когда человек начинает думать о том, пригоден ли он для работы в этой сфере, приходят мысли о том, чтобы сменить ее на другую, где технологиям будет тяжелее заменить человека.

Несмотря на все вышеперечисленные психологические проблемы, которые могут принести новые технологии, а именно нейросети, сфера рекламы и пиар все равно не сможет существовать без человеческих способностей. Искусственный интеллект не может сделать самостоятельно все идеально, для этого нужен человек. ИИ сейчас является больше помощником, чем угрозой, нужно только уметь подстраиваться под изменения и направлять

их в свою пользу. Кроме того, человеческая психика может быть сильней, и с этим нужно также работать, чтобы быть уверенным в себе.

Таким образом, анализируя риски и возможности искусственного интеллекта, можно сказать о том, что ИИ открывает большой простор для упрощения работы в сфере рекламы и PR, но такое быстрое развитие нейросетей наносит ущерб психике молодых специалистов. В этом случае самое главное – уметь адаптироваться к технологическим изменениям, брать их в помощники и улучшать эффективность своей работы, не давая страхам и внутренним барьерам взять вверх.

Список литературы

1. Вакансии «Реклама и пиар» // HeadHunter : платформа интернет-рекрутмента. URL: https://ekaterinburg.hh.ru/search/vacancy?text=%D0%A0%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B0+%D0%B8+pr&from=suggest_post&area=1&htmlFrom=main&htmlFromLabel=vacancy_search_line (дата обращения: 01.12.2024).
2. Знакомьтесь: Эм.Ви // М.Видео : официальный сайт. 2023. 22 мая. URL: <https://www.mvideo.ru/blog/pomogaem-razobratsya/znakomtes-em-vi?ysclid=m49tvutlrv529581302> (дата обращения: 20.11.2024).
3. Как мы используем нейросети для создания рекламных материалов // Habr : ежедневное интернет-издание. 2023. 2 февр. URL: https://habr.com/ru/companies/sportmaster_lab/articles/714474/ (дата обращения: 20.11.2024).
4. Прямой эфир «Не только ChatGPT. Прорывная эволюция нейросетей» // ВКонтакте : социальная сеть. URL: https://vkvideo.ru/video-38227308_456239826?entrypoint=list_all (дата обращения: 12.11.2024).

Artificial Intelligence: Possibilities and Risks

About the author: Rachyova Kseniya Andreevna, a third-year PR & Advertising student, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. The advent of neural networks has provoked a significant amount of cognitive dissonance regarding the perception of novel technologies. On the one hand, artificial intelligence offers a wide range of opportunities for automating processes and shortening the time required for certain tasks. On the other hand, this progress can sometimes be intimidating for young and inexperienced employees. This thesis explores the opportunities and risks of using neural networks in advertising and public relations, with specific examples, and identifies the main psychological challenges that professionals in the field may encounter.

Keywords: neural networks, artificial intelligence, advertising, PR, risks, opportunities, psychological problems.

² **Scientific supervisor:** Arkhipova Yulia Vladimirovna, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of PR and Advertising Chair of Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Социальные представления о деньгах городских жителей молодого возраста

Сведения об авторах: *Рычков Андрей Михайлович*, магистрант 3-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹. *Степанов Сергей Владимирович*, магистрант 3-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)².

Аннотация. Данное исследование и методика для анализа ответов, полученных от респондентов, дает возможность эффективно изучить социальные представления людей и групп при помощи собственной программы по обработке ассоциаций методом П. Верже. Методика Верже привлекательна тем, что она дает возможность структурировать собранные данные по рангу и частоте, позволяет выявить характеристики изменяющейся социальной реальности, оценить динамику и отразить внешнее воздействие на представления об актуальных проблемах. Исследовались социальные представления о деньгах современных городских жителей молодого возраста.

Ключевые слова: социальные представления, ассоциативный эксперимент, методика П. Верже, представления о деньгах.

¹ **Научный руководитель:** Костина Галина Александровна, доцент кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

² **Научный руководитель:** Сморгалова Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и прикладной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Деньги – это понятие универсальное и многозначное, оно занимает в сознании людей и в их социальных представлениях ключевое место на стыке различных сфер и областей жизни. Деньги являются некоей трансформирующейся субстанцией или энергией, которая пронизывает все социальные связи человека и является неотъемлемым компонентом межличностных отношений. Феномен денег используется как мера всех ценностей – как материальных, так и духовных. Деньги становятся эквивалентом измерения достижений и успеха, инструментом влияния на людей и способом обретения могущества и власти. Социальные представления о деньгах меняются в зависимости от пола, возраста, образования, национальности, статуса и других факторов.

Теория социальных представлений создавалась и развивалась в 1960-е годы Сержем Московичи. Социальное представление – это структура, состоящая из понятий, идей, мнений и взглядов, она образуется в процессе общения людей. Группы выстраивают социальный образ мира при помощи различных представлений, которые возникают в процессе взаимодействия людей. Человек в повседневной жизни переосмысливает различные объекты, события и процессы, адаптирует их к своему мировоззрению и образу жизни. Социальные представления о деньгах занимают значительное место в системе взаимодействия человека с социумом. Деньги оказывают огромное влияние на уровень психологического благополучия человека в обществе и в семье. Роль денег в структуре социальных отношений высока и требует постоянного тщательного изучения. Могущество денег роднит их с представлениями о Боге. Нет ничего неприличного в открытии этого «психологического подобия» между социальным представлением о деньгах и о Боге [3].

Исследование социальных представлений о деньгах, их изменения в зависимости от различий респондентов и влияние этих представлений на межличностное взаимодействие, представляется архиважной задачей. В данной статье представлены результаты эмпирического исследования социальных представлений о деньгах у городских жителей молодого возраста.

Базой исследования является теория социальных представлений С. Московичи. Исследование проводилось в рамках структурного подхода (Ж.-К. Абрик), согласно которому выделяют три компонента социальных представлений: информацию, отношение и поле репрезентации. Под ними понимаются общий объем знаний об объекте, эмоциональное отношение к нему и иерархия элементов. Центральное ядро представлений стабильно и содержит в себе основные культурно и исторически детерминированные идеи. Периферийная система обеспечивает адаптацию социальных представлений к меняющимся условиям, динамически их трансформируя [4].

Инструментом эмпирического исследования был выбран опрос по методике свободных ассоциаций. Ассоциативные методики – наиболее важный элемент в исследованиях социальных представлений, они дают возможность получить важный ключевой материал для анализа и наиболее часто применяются в качестве инструментов при исследовании социальных представлений [1]. По мнению С. Московичи, анкета (в нашем случае опрос) и контент-анализ наиболее адекватны для научного изучения социального представления благодаря их гибкости и палитре возможностей [5].

Исследование данных осуществлялось по методике прототипического анализа П. Верже, применялся контент-анализ и собственная программа-обработчик [2]. Согласно методике П. Верже ассоциации ранжируются и ведется подсчет частоты появлений. Ранг отражает место ассоциации в ряду, названном одним респондентом. Порядок появления отражает важность ассоциации и связанного с ней социального представления для респондента. Оценка по двум параметрам позволяет выделить четыре области: ядро, куда входят наиболее частотные и высокоранговые элементы, и периферическую систему, построенную иерархически. Квадрат 1 содержит ядро представлений. Квадрат 2 содержит высокоранговые редкие ассоциации, которые исследователи выделяют как потенциальную зону изменений. Квадрат 3 отражает влияние внешних факторов на социальные представления. Квадрат 4, вто-

рая периферическая система – редкие ассоциации, упоминаемые в конце ряда [6].

Нерепрезентативную выборку составили 24 человека, проживающие в г. Екатеринбурге, гендерный состав: 50 % мужчины (12 человек), 50 % женщины (12 человек). Возраст респондентов соответствует молодому по классификации ВОЗ (от 18 до 44 лет). Средний возраст респондентов 34,83 года.

Участникам было предложено назвать 5 свободных ассоциаций к слову «деньги». Опрос проводился в дистанционном формате с помощью Google-форм.

В рамках исследования было получено 111 ассоциаций, которые были методом контент-анализа объединены в группы по принципу однородности (для примера: «доллар», «доллары», «баксы», посчитаны как три повторяющихся ассоциации «доллар»).

Проведение сравнительного анализа по гендерному признаку затруднено в связи с малочисленностью выборки и большим количеством уникальных ответов, которые приближают медиану частоты к единице. Важной для целей исследования задачей было выделение различий в ядре социальных представлений мужчин и женщин. Для этого необходимо было показать их детализировано. Таким образом, объединение в крупные категории методом контент-анализа не подходило задаче. Был произведен анализ социальных представлений без учета редких и низкоранговых ассоциаций, что сделало расчет периферии неточным. В связи с этим к сравнению представлено ядро социальных представлений о деньгах у мужчин и женщин, как наиболее устойчивое и неизменное при различных вариантах расчета.

Таблица 1

**Структура социальных представлений о деньгах
(ранг; частота)**

Квадрат 1 – Ядро	Квадрат 3 – Периферия 1
Работа (2,11; 9); достаток (2,75; 8); возможности (2,6; 5); кредит (2,25; 4); покупки (1,66; 3); зарплата (2,33; 3); траты (2,33; 3); счастье (2,66; 3); счет (2,33; 3); накопления (1,5; 2); поддержка (2; 2); воровство (2; 2); путешествия (2; 2); комфорт (2,5; 2); капитал (2,5; 2); дети (3; 2); магазин (3; 2); власть (3; 2); экономия (3; 2); банк (3; 2).	Бумага (3,33; 3); доллар (3,66; 3); карта (4,33; 3); рубль (4; 2); свобода (3,5; 2); расчет (4; 2); монеты (4,5; 2); инфляция (4,5; 2); бизнес (4,5; 2); проблема (4,5; 2).
Квадрат 2 – Периферия 1	Квадрат 4 – Периферия 2
Бабки (1; 1); грязь (1; 1); слава (1; 1); статус (1; 1); бюджет (2; 1); вещи (2; 1); время (2; 1); жизнь (2; 1); золото (2; 1); удача (2; 1); ветер (3; 1); казино (3; 1); настроение (3; 1); отдых (3; 1); рынок (3; 1); шик (3; 1).	Алчность (4; 1); инвестиции (4; 1); бабы (5; 1); здоровье (5; 1); капитализм (5; 1); налоги (5; 1); платье (5; 1); ставка (5; 1); цифры (5; 1).

Таблица 2

**Ядро социальных представлений о деньгах
у мужчин и женщин (ранг; частота)**

Мужчины	Женщины
Работа (1,66; 6); возможности (2; 4); кредит (2,5; 2); счет (1,5; 2); воровство (2; 2); поддержка (2; 2).	Накопления (1,5; 2).

Выборка по группе «мужчины»: респондентов 12 человек, средний возраст 36,83, количество ответов 49. Ранг средний 2,59. Медианная частота 1,5.

Выборка по группе «женщины»: респондентов 12 человек, средний возраст 32,83, количество ответов 38. Ранг средний 1,96. Медианная частота 2.

Отметим, что у женщин только одна ассоциация вошла в ядро социальных представлений, это «накопления». Более частотными являлись ассоциации «достаток» (6), «работа» (3) и «траты» (3), но не прошли в ядро по рангу (2,2 и выше) и, таким образом, могут быть отнесены к элементам, находящимся под внешним влиянием.

У мужчин 18 из 49 элементов (36,73 %) входят в ядро социальных представлений, что свидетельствует о менее разнообразных ассоциациях, чем у женщин, где высокоранговые ответы более оригинальны.

Таким образом, ядро социальных представлений у мужчин содержательнее, чем у женщин. Мужчины придают большее значение деятельным ассоциациям, связанным с деньгами, а женщины к более утилитарным. У мужчин более схожие и однородные представления, подразумевающие действие по отношению к деньгам («работа», «возможности»), тогда как у женщин деньги связаны с ассоциациями («накопления») либо многочисленными вариантами оригинальных представлений.

Следует обратить внимание на разницу среднего возраста респондентов (36,83 у мужчин и 32,83 у женщин), которая могла повлиять на содержательность ядерных представлений. В периферийную зону № 1 Квадрата № 3 (табл. 1) в социальных представлениях о деньгах у мужчин и женщин попали ассоциации «доллар, свобода, инфляция, бизнес», т. е. эти представления у современных молодых людей находятся под сильным влиянием внешней среды и средств массовой информации и наиболее нестабильны. В Квадрат № 2 – Периферия 1 попали разнородные ассоциации, что отражает непредсказуемую динамику изменений социальных представлений в ближайшем будущем.

Подводя итог исследования, нужно отметить, что данная модель преимущественно базируется на количественном анализе разделенных значений, паттернов индивидуального позиционирования и его закрепления в системе значений. Важное место здесь занимают статистические процедуры. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что данная модель предпо-

лагают более значительное количество респондентов, а также дополнительное использование качественных приемов изучения представлений, кроме того, должна сочетать качественные и количественные методы сбора данных. На первых этапах используются методы, позволяющие сконцентрировать внимание преимущественно на семантических аспектах, а на последующих надо будет применять стандартизованные или полустандартизованные опросники. Многоэтапный и многоуровневый анализ в рамках данного подхода будет способствовать дальнейшему развитию теории социальных представлений, откроет возможности для эмпирического изучения понятий этой теории.

Список литературы

1. Бовина И. Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
2. Морозова А. С., Степанов С. В. Социальные представления о семье с применением автоматизированной обработки данных по методу П. Верже // Проблемы безопасности и социального взаимодействия в контексте современных вызовов : материалы IV Региональной научно-практической конференции молодых ученых (г. Екатеринбург, 7 декабря 2023 г.). Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. С. 61–68.
3. Московичи С. Машина, творящая богов. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 560 с.
4. Moliner P. Une Approche Chronologique des Représentations Sociales // La Dynamique des Représentations Sociales / ed. by P. Moliner. Grenoble : Presses Universitaires de Grenoble, 2001. P. 245–268.
5. Moscovici S. The Phenomenon of Social Representations // Social Representations / ed. by R. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. P. 3–69.
6. Verges P. L'Evocation de L'argent: Une Methode pour la Definition du Noyau Central d'une Representation // Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV, № 405. P. 203–209.

Social Perceptions of Money among Young Urbanites

About the authors: *Rychkov Andrey Mikhailovich*, a third-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)³. *Stepanov Sergey Vladimirovich*, a third-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)⁴.

Abstract. The paper focuses on the social perceptions of money among modern young urban residents. This study and the methodology for analyzing the responses obtained from the participants allow us to effectively explore the social perceptions of individuals and groups using P. Verges' proprietary program for association processing. The Verges' technique is appealing because it allows for organizing collected data according to rank and frequency, making it possible to identify characteristics of changing social realities. It also assesses dynamics, and reflects external influences on perceptions of current issues.

Keywords: social perceptions, associative experiment, P. Verges' methodology, money perceptions.

³ **Scientific supervisor:** Kostina Galina Alexandrovna, Associate Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

⁴ **Scientific supervisor:** Smorkalova Tatyana Leonidovna, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor of General and Applied Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Изучение психологической безопасности в рамках цифровой трансформации общества

Сведения об авторе: Селиванов Алексей Евгеньевич, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Психологическая безопасность активно исследуется на организационном, командном и индивидуальном уровнях учеными во всём мире, интерес к данному феномену определяется его важностью применительно к разным сферам жизни человека, поскольку обеспечивает совершенно другой уровень взаимодействия внутри общества. Целью данного тематического обзора является анализ исследований в рамках проблематики психологической безопасности, определение наиболее исследуемых областей и направлений. Также сделан акцент на цифровизации общества, положительных и отрицательных сторонах данного общественного явления. Организационное управление, производство, здравоохранение, образование, спорт высоких достижений исследуются чаще. Наиболее «популярные» направления: лидерство, производительность, организационная культура и климат, творчество, обучение, коммуникация, сотрудничество, отношения.

Ключевые слова: психологическая безопасность, цифровизация, интернет, социальные сети, искусственный интеллект.

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Начало изучения вопросов, касающихся психологической безопасности, связано с именем Карла Роджерса. Термин был введен в 1950-х годах в контексте изучения творческого потенциала человека. По мнению Роджерса, психологическая безопасность обусловлена тремя составляющими: безусловным принятием человека; созданием атмосферы, в которой отсутствует внешняя оценка; эмпатическим пониманием [6].

Психологическая безопасность – обстановка в организации, коллективе, семье и других социальных ячейках, позволяющая членам группы действовать, не опасаясь негативных последствий, связанных с самооценкой, статусом, карьерой [16]. Психологическая безопасность может быть также определена как возможность действовать без межличностных рисков, чувствовать себя оцененным по достоинству и уважаемым. Психологическая безопасность заключается в устранении страха в человеческом общении и замене его уважением и доверием [12].

В отечественной психологии понятие «психологическая безопасность» начинает использоваться в 70–80-х годах XX века в связи с интенсивным развитием промышленной социальной психологии. Впервые в развернутом виде оно встречается в работе М. А. Котика [5]. Значительный вклад в изучение психологической безопасности на современном этапе развития направления внесли Е. Б. Перелыгина, О. Ю. Зотова [1].

Иностранные ученые рассматривают психологическую безопасность как групповой феномен, и соответственно большинство исследований проводится в рамках группы (команды), намного реже организации и отдельной личности. Отечественные ученые, напротив, более пристально изучают психологическую безопасность, опираясь изначально на личность.

Обобщение данных различных исследований показало наличие наиболее обширных областей и направлений, в рамках которых происходит изучение влияния психологической безопасности на личность в разных условиях и на различных уровнях. Области (количество проанализированных источников, $n = 123$): производство и управление организациями 54; здравоохране-

ние 41; образование 11 [8; 15]; цифровизация 9; спорт высоких достижений 7 [20]; экология 1 [7; 13; 14; 19; 21]. Направления (количество проанализированных источников, n = 185): лидеры/лидерство 52; производительность 51; культура/климат 30; творчество 29; обучение 28; коммуникация 27; сотрудничество 20; отношения 20; высказывание 19; разнообразие/инклюзивность 18; эмоции/аффект 17; руководители/супервизия 15; структура 13; идентичность 12; самооффективность 12; инновации 11; участие/вовлеченность 11; конфликты 10; команда/группа 10; взаимозависимость 9; власть/статус 9; стресс/напряжение 8; доверие 8; выгорание 6; невежливость 6; личность 6; приверженность 5; обратная связь 5; знания 5; текучесть кадров 5; нормы 4; сети 4 [3]; координация 4; мотивация 4; совершенствование 4; справедливость/честность 4; принятие решений/решений 3; межкультурный подход 3; процветание 3; организационные изменения 3; удовлетворенность работой 2; риск 2; политика 1; гражданская позиция организации 1; безопасность на рабочем месте 1; семья 1; наставничество 1; социализация 1; уважение 1; решение проблем 1; психологический контракт 1 [13].

Отечественные исследователи уделяют много внимания изучению психологической безопасности в области образования (наиболее исследуемая область), профессиональной деятельности, службы, исследуют экстремальные условия, семейные взаимоотношения, интернет, социальные сети, цифровизацию, свойства личности.

Несомненно, одна из наиболее интересных областей – это цифровизация общества. Проблематика, связанная с цифровизацией общества, активно изучается социальными психологами. И, конечно, наиболее важное направление – это обеспечение безопасности.

Цифровизация общества предполагает применение цифровых технологий в различных сферах жизни человека с целью повышения ее уровня и для экономического развития. Она призвана помочь в выполнении однообразных задач, в автономном принятии решений без вмешательства человека. Автоматизация

всех возможных процессов (перевод получаемой информации в цифровую среду для упрощения анализа и принятия более своевременных и точных решений) – суть цифровизации.

Примеры цифровизации: умные дома; роботизированные предприятия; беспилотные транспортные средства, умные города [11]. Предполагаемые положительные стороны цифровизации для общества: улучшение жизни за счет удовлетворения потребностей; увеличение производительности труда; эффективное продвижение товаров и услуг; прозрачность и упрощение мониторинга экономических операций и т. д. Минусы: тотальный контроль; утечка личных данных; зависимости [4; 7]; отсутствие необходимых навыков для жизни в цифровом мире; как одна из крайностей – «цифровой феодализм» [22]. Всеобщая цифровизация, несомненно, связана с интернетом (рис. 1), социальными сетями, которые уже прочно обосновались везде, где есть люди и доступ к интернету (рис. 2) и относительно недавнее явление, которое стало доступно для широких масс, – «искусственный интеллект» во всех его проявлениях (рис. 3). Рассмотрим некоторые аспекты цифровизации общества.

1. *Интернет.* Пользователей интернета в 2024 году зафиксировано более 5,44 млрд человек. А значит, 67 % населения Земли периодически или постоянно пользуются интернетом. По прогнозам, к концу этого года количество людей, использующих интернет в различных целях, достигнет 6,26 млрд, к 2029 году превысит 7,32 млрд. Ежегодно число интернет-пользователей, увеличивается на 3,4 %. Технологии и интернет хорошо знакомы широкой публике, обычным людям и легко доступны. Технологический прогресс очень заметен в интернет-коммуникации. Цифровая сеть используется повсеместно, во многих электронных устройствах, таких как персональные компьютеры, ноутбуки, мобильные устройства, подключенные к интернету. Быстрое развитие технологий на мобильных устройствах теперь может использоваться не только для общения, но и для доступа к различным видам приложений, которые связаны друг с другом: финансовые услуги, онлайн-игры, приложения для покупок, доступ к картам,

банковские приложения, потоковое видео и музыку, приложения для здоровья [2; 10].

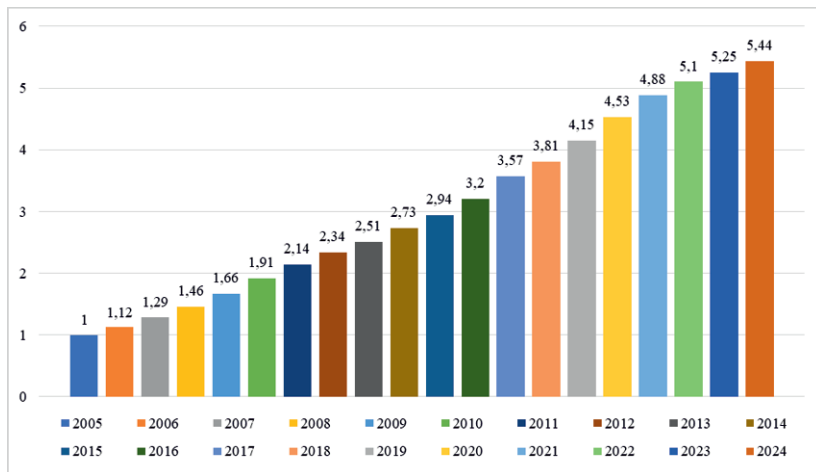

Рис. 1. Количество пользователей интернета с 2005 по 2024 гг., млрд человек²

2. *Социальные сети.* Количество пользователей социальных сетей в 2024 году во всем мире приблизилось к 5,17 млрд. Ежегодно число пользователей соцсетями увеличивается: за последний год на 5,8 %, а начиная с 2016 года увеличение составило 74 %. Каждый год количество людей, использующих соцсети, растет на 9,6 % в среднем. Однако прогнозные показатели, начиная с 2025 по 2027 гг., могут замедлиться до 4,2 % в год. Предполагается, что к 2027 году число пользователей соцсетей приблизится к 5,85 млрд.

² Number of internet users worldwide from 2005 to 2024 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/273018/number-of-internet-users-worldwide/> (access date: 10.11.2024).

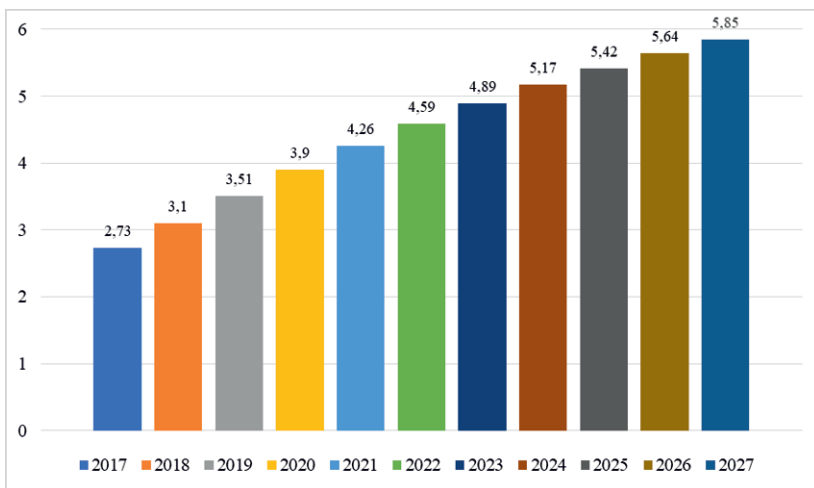

Рис. 2. Актуальное и прогнозное количество пользователей соцсетей в мире, млрд человек³

Ученые, исследующие данную проблематику, часто сообщают о негативном влиянии социальных сетей на пользователей. Например, взаимосвязь между использованием социальных сетей и депрессией подростков. Результаты одного из исследований показывают, что использование мобильных социальных сетей негативно связано с депрессией подростков, кроме того, психологическая безопасность служит важным посредником между использованием мобильных социальных сетей и депрессией подростков. Связь между использованием мобильных социальных сетей и психологической безопасностью различается в зависимости от пола, так что эта связь положительна для мальчиков, но отрицательна для девочек. Кроме того, доказано, что связь между психологической безопасностью и депрессией сильнее у женского пола, чем у мужского [17].

3. *Искусственный интеллект.* Рынок искусственного интеллекта в 2024 году предположительно достигнет 298 млрд долларов. Сейчас рынок оценивается специалистами в 207 млрд дол-

³ По данным компании Statista.

ларов. Прогнозные показатели к 2030 году предполагают рост в шесть раз и оцениваются почти в два триллиона долларов. Рынок продукции и технологий на базе искусственного интеллекта увеличивается приблизительно на 20 % ежегодно.

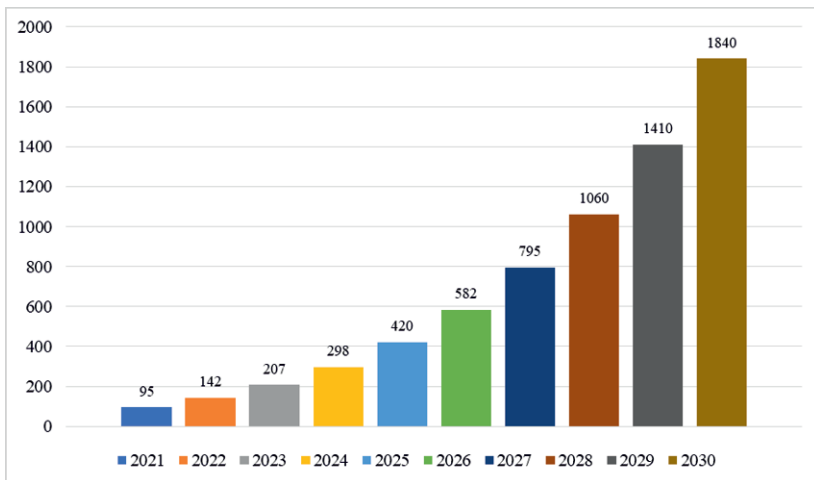

Рис. 3. Актуальный и прогнозируемый размер международного рынка продуктов с искусственным интеллектом, млрд долларов⁴

Разработка передовых технологий рассматривается государствами как необходимая мера для обеспечения глобального лидерства и технологического суверенитета. Особое внимание уделяется технологиям на основе искусственного интеллекта, возможности которых растут беспрецедентными темпами. Технологии на основе искусственного интеллекта широко используются в медицинской диагностике, электронной коммерции, онлайн-обучении, в создании новостей, получении данных, анализе информации. Поисковые системы мира предложили своим пользователям голосовых помощников и нейросети различной направленности,

⁴ Artificial Intelligence – Worldwide // Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/artificial-intelligence/worldwide> (access date: 10.11.2024).

которые значительно упрощают и ускоряют поиск релевантной информации, перевод и обработку текстов. Очевидно, что большинство технологических инноваций, призванных облегчить нашу жизнь, потенциально могут быть использованы в злонамеренных целях. Зависимость от компьютерных систем делает пользователей крайне уязвимыми для действий тех, кто желает использовать технологии на основе искусственного интеллекта для нанесения ущерба, что представляет серьезную проблему для психологической и информационной безопасности людей по всему миру [18]. Целью применения искусственного интеллекта является получение значительного преимущества путем применения новых технологий, которые дают возможность влиять на общественное и индивидуальное сознание. Это выводит на новый уровень угрозы безопасности, а значит, требует переоценки требований и реакций общества [19].

Современное цифровое общество крайне сложно назвать обществом всеобщего благоденствия, или нового гуманизма, поскольку его развитие сопряжено с глубокими социальными трансформациями, затрагивающими материальные и духовные основы существования человека, природу и структуру его идентичности. Цифровая реорганизация мира может сопровождаться значительными социальными рисками, влекущими непредсказуемые последствия. В современном научном мире только формируется интерес к различным аспектам проблем цифрового общества, его преимуществ, недостаткам и последствиям. Понимание природы данных явлений позволит в перспективе управлять ими и минимизировать негативные последствия для человека в будущем [9].

Технологии, использующие интернет-сети, основанные, в том числе, на внедрении искусственного интеллекта, оказывают значительное влияние на общественные взаимосвязи, но, помимо положительного эффекта, эти изменения могут привести к отрицательным последствиям: нарушению прав граждан, разглашению личной и корпоративной информации, зависимости, социальной тревожности, осуществлению преступных действий, пропаганде

аморальных ценностей и девиантному поведению. По этой причине в современном «цифровом мире» все чаще поднимается и актуализируется проблема психологической безопасности личности. Достижения в области информационных технологий все сильнее влияют на жизнь и развитие общества. Практически все стороны жизни современного человека подвержены цифровизации, от которой невозможно отказаться, а значит, необходимо научиться безопасной жизни в новой цифровой действительности.

Список литературы

1. Донцов А. И., Зинченко Ю. П., Зотова О. Ю., Перельгина Е. Б. Психология безопасности : учеб. пособие для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2015. 276 с.
2. Заболоцкая А. В., Ткачева Е. Г. Психологическая безопасность личности в интернете // Автономия личности. 2022. № 1 (27). С. 91–97.
3. Калинина Н. В. Ценности как ресурс психологической безопасности пользователей социальных сетей // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 10 (102). С. 87–91.
4. Коваленко С. В., Маковецкая А. Д., Тюстина Г. Г. Исследование интернет-зависимости подростков в условиях образовательной среды как фактора психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 5. URL: <https://mir-nauki.com/43PSMN522.html> (дата обращения: 10.11.2024).
5. Котик М. А. Психология и безопасность. Таллинн : Валгус, 1989. 447 с.
6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс, 1994. 235 с.
7. Санжиева О. Г. Зависимость от мобильного телефона как проблема психологической безопасности личности // Вестник науки. 2023. № 12 (69). С. 707–712.
8. Худякова Т. Л., Гридяева Л. Н., Клепач Ю. В., Петросянц В. Р. Риски психологической безопасности личности в условиях внедрения цифровых образовательных технологий на этапе профессионального обучения // Национальный психологический журнал. 2022. № 4 (48). С. 132–143.
9. Чернов И. В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 1. С. 121–132.

10. Abdillah A., Widianingsih I., Buchari R. Nurasa H. Big Data Security & Individual (Psychological) Resilience: A Review of Social Media Risks and Lessons Learned from Indonesia // *Array*. 2024. Vol. 21. Article 100336. <https://doi.org/10.1016/j.array.2024.100336>.

11. Chatterjee U., Sankar Bhunia G., Mahata D., Singh U. Smart Cities and their Role in Enhancing Quality of Life // *Quality of Life: An Interdisciplinary Perspective* / ed. by S. Tripathi, R. Rai, I. Van Rompay-Bartels. Boca Raton : CRC Press, 2021. <https://doi.org/10.1201/9781003009139>.

12. Edmondson A. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams // *Administrative Science Quarterly*. 1999. Vol. 44 (2). P. 350–383.

13. Edmondson A., Bransby D. Psychological Safety Comes of Age: Observed Themes in an Established Literature // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2023. Vol. 10 (1). P. 55–78.

14. Fenner S., Arellano M., von Dzengelevski O., Netland T. H. Effect of Lean Implementation on Team Psychological Safety and Learning // *International Journal of Operations & Production Management*. 2023. Vol. 43 (2). P. 308–331.

15. Itzhakov G., Weinstein N., Vinokur E., Yomtovian A. Communicating for Workplace Connection: A Longitudinal Study of the Outcomes of Listening Training on Teachers' Autonomy, Psychological Safety, and Relational Climate // *Psychology in the Schools*. 2023. Vol. 60 (4). P. 1279–1298.

16. Kahn W. Psychological Conditions of Personal Engagement and Disengagement at Work // *Academy of Management Journal*. 1990. Vol. 33 (4). P. 692–724.

17. Kong F., Deng H., Meng S., Ge Y. How does Mobile Social Media Use Associate with Adolescents' Depression? The Mediating Role of Psychological Security and its Gender Difference // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42 (19). P. 16548–16559.

18. Pantserev K., Golubev K. Artificial Intelligence and International Information and Psychological Security // *Cybersecurity, Privacy and Freedom Protection in the Connected World : Proceedings of the 13th International Conference on Global Security, Safety and Sustainability (London, 14–15 January 2021)* / ed. by H. Jahankhani, A. Jamal, S. Lawson. Cham : Springer International Publishing, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-68534-8_1.

19. Pashentsev E. General Content and Possible Threat Classifications of the Malicious Use of Artificial Intelligence to Psychological Security //

Palgrave Handbook of Malicious Use of AI and Psychological Security / ed. by E. Pashentsev. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 23–46.

20. Walton C. C., Purcell R., Pilkington V., Hall K., Kenttä G., Vella S., Rice S. M. Psychological Safety for Mental Health in Elite Sport: A Theoretically Informed Model // *Sports Medicine*. 2024. Vol. 54. P. 557–564.

21. Woodier J., Zingerle A. As Smart Worlds Collide: Citizen Agency and Human Rights in the Smart City // *Business and Human Rights in Asia: Duty of the State to Protect* / ed. by J. Gomez, R. Ramcharan. Singapore : Palgrave Macmillan, 2021. P. 197–215.

22. Yuldasheva M. B. Peculiarities of Psychological Safety // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 2024. Vol. 7 (3). P. 7–14.

A. E. Selivanov

Studying Psychological Security within the Context of the Digital Transformation of Society

About the author: Selivanov Aleksey Evgenievich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)⁵.

Abstract. Psychological security is a subject of extensive research by scholars across the globe, both at the organizational level, within teams, and on the individual level. An interest in this phenomenon is determined by its significance. It stems from its significance in relation to various aspects of human life, as it offers a unique level of interaction within society. The objective of this paper is to critically examine the body of research on psychological security, identifying the most prominent themes and areas of investigation. The author also focuses on the digitalization of society, its positive and negative

⁵ **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

aspects. Organizational management, manufacturing, healthcare, education, and elite sports are the subjects of increased attention in academic research. The most popular areas include leadership, productivity, organizational culture and climate, creativity, learning, communication, collaboration, and relationships.

Keywords: psychological security, digitalization, the Internet, social networks, artificial intelligence.

Использование видеоигр в целях психологической безопасности в цифровой среде для обучающихся средних школ (на примере видеоигры Sky: Children of the Light)

Сведения об авторе: Филоненко Евгений Алексеевич, аспирант 1-го года обучения направления «Педагогика» Института педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Аннотация. В рамках данных тезисов затрагивается проблема формирования педагогической культуры обучающегося средней школы в контексте психологической безопасности в цифровой среде. Особое внимание автор обращает на понятия и определения «игровая культура» и «педагогическая игровая культура», а также педагогическую проблематику. В целях формирования психологически безопасной цифровой среды для обучающихся на примере видеоигры Sky: Children of The Light показывается, как содержание видеоигры и ее функционал могут формировать безопасную цифровую среду, а также условия для психологически благоприятного поля развития и воспитания устойчивых морально-нравственных ценностей и мировоззрения подрастающего поколения, в том числе в контексте педагогических целей и задач.

Ключевые слова: игропедагогика, видеоигры, компьютерные игры, цифровизация, геймификация, игровая культура, педагогическая игровая культура, психологическая безопасность.

Говоря о компьютерных играх и видеоиграх в контексте формирования безопасной цифровой среды, необходимо понимать и признавать их многомерность и многозначность не

только как феномена культурологического и философского, но теперь уже и как феномена педагогического [7]. С одной стороны, видеоигра создает негативное влияние на психику человека и формирует задатки девиантного поведения, перетекающего в шуттинг, эскапизм, цинизм и т. д. [8; 9]. С другой стороны, видеоигры выступают в форме специфического тренажера для отработки умений в области управления персоналом, менеджмента, логистики и т. п. как «серьезные игры», а также как активная форма досуга [3; 4; 12] и терапевтическая практика [11; 12; 13].

В последнем случае при использовании видеоигр в профилактических и педагогических целях возможно создать инструмент для формирования безопасной цифровой среды.

Поскольку данные тезисы ориентированы на педагогическую трактовку и проблематику в понимании видеоигры (в том числе компьютерной игры) в контексте психологической безопасности в цифровой среде, необходимо прежде обозначить ключевые понятия данных тезисов: «игровая культура» и «педагогическая игровая культура».

Понятие «игровая культура» в контексте видеоигр мы заимствуем из медиафилософского научного дискурса, где видеоигра рассматривается как многогранное междисциплинарное понятие. Игровая культура в исследовательско-аналитических статьях – это комплексное понятие, включающее в себя совокупность, с одной стороны, факторов, создающих уникальное понимание игрового опыта как процесса самого по себе, а с другой стороны, как совокупность формируемых по ходу прохождения той или иной видеоигры чувств, идей и эмоций, в дальнейшем трансформирующихся через полученные ранее чувства и эмоции в ценности и взгляды на те или иные события, процессы и явления прошлого, настоящего и будущего [2; 5; 6; 10; 11; 12; 14].

Когда мы говорим о понятии «педагогическая игровая культура» в контексте видеоигр, то, во-первых, подразумеваем его как подпонятие «игровой культуры», а, во-вторых, трактуем в профессионально-педагогическом контексте. Уже существуют зарубежные практики [13], позволяющие увидеть формирование

педагогической игровой культуры непосредственно в школе: учителя и ученики знают общие для них видеоигры, играют в них дома и могут использовать их уже в учебном процессе ради внеигровых целей. В этом ключе мы и определяем понятие «педагогическая игровая культура» относительно сферы педагогической деятельности, в рамках которой учитель не просто сам играет в видеоигры, формирует собственную людификацию (т. е. список видеоигр) и использует эти игры в учебном процессе, но и учит играть обучающихся и с помощью данных видеоигр воспитывает.

Таким образом, «педагогическая игровая культура» – совокупность методов и приемов педагогического воздействия, а также знаний и игровых практик, позволяющих преподавателю использовать видеоигры как самостоятельно, так и совместно с обучающимися в образовательном процессе в целях образования, развития и воспитания.

Учитывая вышеизложенное, в рамках психологической безопасности в цифровой среде с педагогической точки зрения нас интересуют следующие дискуссионные вопросы:

1. Зачем видеоигры нужно использовать для формирования психологически безопасной цифровой среды и безопасного игрового опыта в целях развития и воспитания?
2. Как видеоигры способны формировать безопасную психологическую атмосферу в цифровой среде благодаря игровой культуре и педагогической игровой культуре?
3. Что необходимо учитывать при отборе и рассмотрении любой видеоигры для формирования психологически безопасной цифровой среды не только в рамках школы, но и вне ее, в повседневной жизни?

Первый вопрос представляется нам очевидным: видеоигры мотивируют к деятельности ради победы или игрового процесса как конечного, но не окончательного результата. Зачастую это видеоигры такого рода, в которых, с одной стороны, требуется высокая скорость реакции на игровые вызовы и в которых, с другой стороны, существует элемент соревнования как стимула для достижения победы в рамках личного самоутверждения, домини-

рования. Закономерно, что данные видеоигры, формируя к себе интерес сначала как к соревнованию, в дальнейшем превращаются уже в составляющую кибербуллинга [1] и становятся средой риска и стресса, где игрок внутри цифровой среды не чувствует себя в безопасности, находится в атмосфере соревновательного давления и требований членов команды (если это многопользовательская игра, то необходимо действовать по указаниям более опытных игроков).

Но что, если мы перенаправим это соревнование ради достижения победы и доминирования одного игрока над другим в русло созидательно-воспитательного толка? Мы поместим игрока в безопасную и одновременно изначально неконфликтную среду, не направленную на получение победы, но на получение состояния эмоционального спокойствия, чувства безопасности и необходимости активной эмоциональной коммуникации. Более того, в этой безопасной среде мы создадим такие условия, при которых игроки будут не соревноваться друг с другом, а помогать друг другу в решении интересных игровых головоломок и задач как индивидуального, так и группового порядка.

Таким образом, отвечая на вопрос о необходимости использования для формирования психологически безопасной цифровой среды и безопасного игрового опыта в целях развития и воспитания, мы утверждаем, что видеоигры в данном ключе выполняют несколько важных функций. Первое: для привлечения и мотивации игрока играть не ради соревновательного, а ради рефлексивного-мыслительного характера игры, ради деятельности, направленной на поиск самоидентичности не в целях доминирования над другим, а в целях поддержки и понимания других. Второе: для формирования такой игровой среды и такой игровой культуры, которая будет направлена не на понижение уровня агрессии через жесткость в видеоигре, а на понижение того же уровня агрессии через помощь или терапию в контексте игрового процесса как индивидуального, так и группового характера.

Говоря о том, как видеоигры способны формировать безопасную психологическую атмосферу в цифровой среде и протекать

в логике мыслительно-рефлексивного характера, обратимся к заявленному в заголовке тезисов примеру видеоигры Sky: Children of The Light.

Фабулу разработанной американской независимой видеоигровой студией Thatgamecompany приключенческой видеоигры Sky: Children of The Light можно изложить в нескольких предложениях.

Мы берем на себя управление героем, так называемым «ребенком солнца». Герой за все время игры не произносит ни одного слова, а только передает сигналы в форме коротких звуков. Цель нашего героя и нашей игры-путешествия – добраться до большой горы, по пути собирая огоньки и воспоминания духов. Огоньки есть одновременно и игровая валюта, с помощью которой игрок получает силы, и источники силы, с помощью которой игрок развивает своего персонажа. Воспоминания духов, как и сами духи, находятся в разных местах, через которые нам предстоит пройти с героем. Встречая духов, мы видим яркие эпизоды из их жизни, благодаря которым мы понимаем не только то, чем занимался этот дух в прошлом, но и его переживания и эмоции в момент обретения полученного нами воспоминания. С духами наш герой тоже не может полноценно общаться. Добираясь до вершины большой горы, мы узнаем, что все это время собирали воспоминания духов ради одной цели – спасти близких духов, заточенных в камень на вершине горы. Отдав все силы и огоньки на их спасение, герой жертвует собой и попадает в подобие чистилища, где проходит перерождение. Поэтому мы вынуждены еще раз проходить игру и собирать воспоминания духов заново.

Если говорить о второстепенных составляющих игры, то их можно свести к выполнению разного рода побочных заданий по типу:

- собрать фиксированное количество предметов;
- совершить коллективное действие с другим игроком;
- собрать уникальный предмет;
- сфотографировать уникальный предмет;
- поставить в собственном доме случайный предмет быта;

- одеть на своего персонажа случайный элемент одежды;
- поучаствовать в создании театральной постановки;
- сыграть одному или с кем-то на музыкальных инструментах мелодию на концерте;
- поучаствовать в показе мод и т. д.

Количество активностей и занятий генерируются в игре самими разработчиками и могут создаваться игроками в одиночку или группой. В дни праздников и сезонов в игре проводятся специальные события и встречи, на которых можно получить специальные уникальные награды.

Поскольку *Sky: Children of The Light* – многопользовательская онлайн-игра, игрок может путешествовать или участвовать в групповых активностях не один. Более того, встречаемые в путешествии другие игроки могут быть не только из России, но и из других стран. Если игроки захотят познакомиться друг с другом, им необходимо прежде обменяться собранными ранее в рамках приключения огоньками. До того игроки видят только обезличенные силуэты друг друга. Как только игроки обменялись огоньками, они могут продолжить это делать и дальше, благодаря чему они укрепляют дружескую связь и получают больше возможностей для совместных активностей и взаимодействий в рамках игры.

Тут важно выделить ключевую особенность данной игры на фоне остальных онлайн-игр в жанре ММО, очень важную для нас в контексте темы тезисов: игрокам *Sky: Children of The Light* нельзя драться между собой и сами игроки не могут обойти это правило. Такая функция сделана разработчиками специально для того, чтобы большинство игроков, во-первых, чувствовали себя в безопасности, а во-вторых, могли налаживать коммуникации друг с другом не с целью победы, а ради получения совместных переживаний от игрового процесса.

Данная особенность *Sky: Children of The Light* позволяет нам говорить о том, что создать психологически безопасную цифровую среду в рамках видеоигр возможно, это увлекательный процесс. Сделать это можно ради налаживания безопасной комму-

никации и исследования игрового мира, ради достижения общих игровых целей (добраться до горы, спасти духов), получения совместных положительных игровых впечатлений, чувства товарищества и дружеской поддержки. На этой почве видеоигру можно также использовать для формирования созидательной игровой культуры, в том числе и для пополнения инструментария педагогической игровой культуры: в игре можно организовывать тематические встречи, обсуждать совместные игровые приключения, события и впечатления. Более того, с помощью Sky: Children of The Light можно организовать знакомство с произведениями детской классической литературы разных стран и обсуждать их смыслы («Девятицветный олень» Фэн Цзяньнана, «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери и «Муми-тролль» Туве Янссон). Благодаря изучению литературы в виртуально-интерактивной форме игрок не только узнает историю литературных персонажей, но и может приобщиться к изучению литературы сначала через игры и далее уже через прочтение данных произведений. Таким образом, процесс игры приобретает созидательный характер. Игрок не только находится в психологически безопасной цифровой среде, но одновременно получает от этой среды знания и впечатления, способные качественно изменить его реальную жизнь, если не на глобальном, то на локальном уровне.

Переходя к отбору и рассмотрению любой видеоигры для формирования психологически безопасной цифровой среды не только в рамках школы, но и вне ее, в повседневной жизни, необходимо учитывать:

- возрастные ограничения видеоигры;
- сюжет видеоигры;
- геймплей видеоигры.

Возрастные ограничения позволяют нам сразу определить, насколько реально создать психологически безопасную атмосферу в рамках видеоигры внутри цифровой среды. Сюжет видеоигры позволит понять, какие смыслы и какие сюжеты мы будем получать как игроки, благодаря чему мы составляем рекомендации по созданию психологической безопасности в видеоигре как ча-

сти цифровой подсреды. Геймплей видеоигры позволит понять, с помощью каких игровых механик и игровых активностей мы можем организовать психологически безопасную среду внутри видеоигры как цифровой подсреды. Также мы считаем, что при отборе психологически безопасной видеоигры в условиях цифровой среды родителю важно обращать внимание на видеоигры в жанре «приключение» и «визуальная новелла». Данные жанры видеоигр прежде всего сосредоточены на донесении через сюжеты смыслов разной степени важности. Например, видеоигры *Brothers: A Tale of Two Sons*, *It Takes Two* и *Submerged* рассказывают о ценности семьи и семейных узах, а сюжеты *Unravel* и *Never Alone* повествуют о ценности дружбы и товарищества. Отдельного внимания заслуживают видеоигры студии *Annapurna Interactive*, выпускающей видеоигры в самых разных жанрах, рассказывающие через игровой процесс историю, интересную как для детей, так и для взрослых.

Мы можем заключить, что использование видеоигр в целях создания психологической безопасности в цифровой среде может оказать терапевтически-расслабляющий эффект не только на обучающихся в средних школах, но и на любого играющего человека в целом. На примере описания видеоигры *Sky: Children of The Light* мы показали, как в видеоиграх можно организовывать психологически безопасную среду не только ради самой атмосферы безопасности, но и ради получения внутри данной среды новых знаний и положительных впечатлений. Благодаря подобной видеоигре игрок сможет не только получить положительные впечатления от достижений в путешествиях в одиночку или в компании с товарищами, но и научиться коммуницировать с ними, понимать себя в ситуации взаимовыручки и коммуникации с другими игроками либо на почве собственно самого приключения, либо на почве активностей и заданий, напрямую не связанных с приключением. Пример видеоигры *Sky: Children of The Light* позволяет нам увидеть, на каком поле и с помощью каких инструментов формируется и развивается игровая культура и педагогическая игровая культура. Прикладная цель последней – не просто уметь

играть самому в игры и учить кого-то играть, но научиться и научить играть осознанно, с пониманием цели и смысла игры либо в целях личной терапии, саморефлексии, образования или воспитания, либо ради поиска новых платформ для создания в том числе психологически безопасной атмосферы в цифровой среде.

Список литературы

1. Бородина В. Н. Роль онлайн-игр в возникновении кибербуллинга // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 9–11.
2. Буглак С. С., Латыпова А. Р., Ленкевич А. С., Очеретяный К. А., Скоморох М. М. Образ другого в компьютерных играх // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2017. № 2. С. 242–253.
3. Ветушинский А. С. Больше, чем просто средство: новый подход к пониманию геймификации // Социология власти. 2020. Т. 32, № 3. С. 14–31.
4. Макалатия А. Г., Матвеева Л. В. Субъективные факторы притягательности компьютерных игр для детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1 (25). С. 15–24.
5. Нестик Т. А. Отношение к глобальным рискам у геймеров с разным предпочитаемым типом компьютерных игр // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/251> (дата обращения: 13.11.2024).
6. Очеретяный К. А., Колесникова Д. А. Эпистемологические функции компьютерных игр // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура, история, философия, право. 2018. № 2. С. 27–38.
7. Соболева О. Б., Филоненко Е. А. Учебная интерактивно-нарративная компьютерная программа для обучения истории и обществознанию: сущность и методика применения // Преподавание истории и обществознания в школе. 2024. № 6. С. 39–50.
8. Филоненко Е. А. Компьютерные игры This War of Mine и Frostpunk как средства обучения на уроке обществознания // Студент – Исследователь – Учитель : материалы 24-й Межвузовской студенческой научной конференции (г. Санкт-Петербург, 04–15 апреля 2022 г.). СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2023. С. 475–481.

9. Швацкий А. Ю. Социально-психологические последствия увлечения подростков компьютерными играми // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8, № 2 (27). С. 410–412.

10. Bylieva D., Lobatyuk V., Zamorev A. Игры со временем // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2019. Vol. 1 (4). P. 73–85.

11. Ernst S. S(t)imulated Moralities? – Videospiele im LER und Ethik-Unterricht // Videospiele als didaktische Herausforderung / hrsg. von N. Riemer, S. Möring. Potsdam : Digital Games Research Center, 2020. S. 174–204.

12. Jeu vidéo et adolescence / sous la direction de V. Berry, L. Andlauer. Québec : Les Presses de l'Université Laval, 2019. 200 p.

13. Vincent R. Faire entrer le jeu vidéo en classe: les cultures ludiques juvéniles au prisme des pratiques enseignantes // Éducation et sociétés. 2023. № 50 (2). P. 69–85.

14. Wright S., Denisova A. “It’s a Terrible Choice to Make but also a Necessary One”: Exploring Player Experiences with Moral Decision Making Mechanics in Video Game // Computers in Human Behavior. 2024. Vol. 161. Article 108424. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2024.108424>.

E. A. Filonenko

The Use of Video Games for Psychological Security in the Digital Milieu for Middle Schoolers: By the Example of the Game *Sky: Children of the Light*

About the author: Filonenko Evgeniy Alekseevich, a first-year post-graduate student in the field of Pedagogy, Institute of Pedagogy, Herzen University (St-Petersburg, Russia).

Abstract. The thesis addresses the problem of developing the pedagogical culture of comprehensive school students within the context of psychological security in the digital environment. The author pays special attention to the concepts and definitions of “game culture” and “pedagogical game culture”, as well as the pedagogical implications of these concepts. The video game “Sky: Children of the Light” serves as an example to demonstrate how the content and

mechanics of a video game can foster a secure digital environment, providing a context conducive to the psychological well-being and educational development of stable moral principles and worldviews among younger individuals, particularly in relation to pedagogical objectives and goals.

Keywords: game pedagogy, video games, computer games, digitalization, gamification, game culture, pedagogical game culture, psychological security.

Теория запланированного поведения в контексте психологии безопасности труда

Сведения об авторе: Шафигуллин Рустам Ринатович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, экономическая и политическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹, младший научный сотрудник, ЧУ ФНПР «Научно-исследовательский институт охраны труда» (г. Екатеринбург, Россия).

Аннотация. Несмотря на высокий уровень автоматизации на производстве, проблема безопасности труда на сегодняшний день всё так же актуальна. Основной причиной травматизма на предприятиях является так называемый человеческий фактор: нарушения трудовой дисциплины, неосторожность, невнимательность работников. Многие учёные изучают факторы, содержащиеся в данном понятии, в основном их исследования посвящены изучению индивидуально-психологических характеристик работников. Но многими не учитывается, что организация рабочего процесса до сих пор предполагает объединение сотрудников в группы, которые имеют свои особенности, нормы и правила, в том числе и относительно безопасного поведения. Для решения данной проблемы может быть использована «Теория запланированного поведения», в которой объединяются и индивидуально-личностные характеристики работников, и групповые нормы в рамках понятия «намерения».

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Ключевые слова: психология безопасности, убеждения, поведение, травматизм, нарушения, человеческий фактор.

На современном, высокоавтоматизированном производстве проблема безопасности труда остается актуальной. Несмотря на технические усилия по обеспечению сохранности жизни и здоровья работников, они всё так же получают травмы, главной причиной которых остается человеческий фактор. По статистическим данным, обнародованным ФГБУ «ВНИИ труда» при Министерстве труда и социальной защиты Российской Федерации, за 2023 год около 40 % всех несчастных случаев, приведших к тяжелым последствиям, связаны с неудовлетворительной организацией производства работ, а если рассматривать более детально результаты исследования [2], то 60,8 % причин, связанных с организацией производства, приходится на необеспечение контроля за соблюдением трудовой дисциплины, а среди прочих причин – 47 % относятся к неосторожности, невнимательности и поспешности работников. Объединяющей основой всех этих причин становятся действия работника или руководства, что является основой понятия «человеческий фактор».

В доступной литературе проблема человеческого фактора рассматривается как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Исследования, посвященные эмпирическому изучению данной проблематики, в основном касаются индивидуально-личностных характеристик работника, в том числе определению личностных характеристик «надежного» сотрудника [4], выявлению влияния склонности к риску на травматизм [6], а также других психофизиологических особенностей работников, повышающих вероятность травмирования [1].

Традиционные условия работы на современных предполагают объединение работников в определенные группы, со своими формальными лидерами (бригадир, мастер, начальник цеха, участка). В этих группах формируются свои нормы, роли, способы организации и мотивации, что показывают отечественные прикладные исследования, проводившиеся в 1980-е годы [5].

В этих исследованиях изучаются общие характеристики специфической профессиональной группы, без рассмотрения влияния группы на соблюдение правил безопасности труда. При изучении современных исследований нами была обнаружена лишь одна работа, посвященная социально-психологическим предикторам отклонения трудового поведения [3]. В ней авторы на выборке в 1000 человек выделили две группы: работники с отклоняющимся трудовым поведением (400 чел.) и соблюдающие трудовые нормы и регламенты (600 чел.). Авторы оценили у каждого члена группы его индивидуально-психологические особенности, связанные с отношением к другим людям, выявили средние групповые значения и сравнили их между группами. Было установлено, что в группе нарушителей работники в большей степени стремятся к доминированию, направлены на себя, склонны к риску.

Влияние социально-психологического аспекта на безопасность труда может быть продемонстрировано с помощью «теории планируемого поведения», разработанной Ицаком Айзенном. Книга *The Theory of Planned Behavior* была опубликована в 1991 г. [7]. В ней автор рассматривает поведение как результат намерения, которое в свою очередь зависит от трех факторов: убеждения относительно поведения, социальной нормы и убеждения относительно поведенческого контроля, при этом намерение – это степень усилия, с которой человек готов реализовать поведение, при условии, что у него есть возможность выбора. Убеждения относительно поведения показывают, насколько привлекательным и соответствующим ценностям индивида является данное поведение, на основании предыдущего опыта, а социальная норма – это степень давления группы на намерения человека. Поведенческий контроль рассматривается в оценке сложности реализации поведения: с какими препятствиями и помехами, на взгляд индивида, он может столкнуться.

Рассматривая данную теорию в контексте безопасности труда, можно выделить нарушение правил техники безопасности и оценить факторы, влияющие на намерение работника. Подобные исследования уже проводились зарубежными психологами сре-

ди австрийских строителей [8]. Ученые рассматривали влияние установок на действие работников в области охраны труда до и после проведения обучения по оказанию первой помощи. Исследователи пришли к выводу, что обучение повлияло на изменения оценки вероятности получения травмы, причин травматизма и в области намерений – работники стали реже соглашаться на выполнение рискованных работ и перед этим стали рассматривать свои дальнейшие действия с точки зрения затрат/выгод. Также респонденты стали чаще связывать собственное поведение с вероятностью получения травмы на работе и меньше работников стали считать, что несчастные случаи «происходят с другими». Все эти изменения привели к незначительному улучшению безопасного поведения и лишь в отношении нескольких категорий: использование инструментов, доступ к высоте, средства индивидуальной защиты. Поэтому представляется возможным расширить исследования в этом направлении.

Список литературы

1. Андриенко В. В., Галаева Д. Х., Томаков В. И. Психофизиологические особенности труда монтажников при работе на высоте как фактор травматизма // Актуальные проблемы экологии и охраны труда : сборник статей IX Междунар. науч.-практ. конференции (г. Курск, 18 мая 2017 г.) / отв. ред. Л. В. Шульга. Курск : Юго-Запад. гос. ун-т, 2017. С. 260–265.
2. Охрана труда в цифрах. М. : ВНИИ Труда Минтруда России, 2024. 26 с.
3. Патраков Э. В., Лобанова Т. Н. Социально-психологические предикторы отклонения трудового поведения // Вестник Костромского государственного университета. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 1. С. 77–84.
4. Савинков С. Н. Психологические условия формирования надежности сотрудников МЧС России // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/37PSMN322.html> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Сидоренкова И. И., Шипитько О. Ю. Субъектные характеристики и совместная деятельность // Психология малой группы : ретроспективный научно-вспомогательный указатель отечественных трудов, издан-

ных в СССР и России. 100 лет пути / под ред. А. В. Сидоренкова. М. : Кредо, 2014. С. 32–72.

6. Фомин А. И., Осипова А. А. Оценка влияния «склонности работников к риску» на уровень производственного травматизма на предприятиях угольной отрасли // Вестник Научного центра по безопасности работ в угольной промышленности. 2020. № 3. С. 31–35.

7. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. Vol. 50 (2). P. 179–211.

8. Lingard H., Zeynep Y. The Effect of Attitudes on the Occupational Safety Actions of Australian Construction Workers: The Results of a Field Study // *Journal of Construction Research*. 2003. Vol. 4 (1). P. 59–69.

R. R. Shafigullin

The Theory of Planned Behavior in the Context of Occupational Security Psychology

About the author: Shafigullin Rustam Rinatovich a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), junior researcher, Research Institute for Labor Protection (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. Despite the widespread adoption of automation in industrial processes, the issue of workplace safety remains a pressing concern. The main cause of accidents at workplaces is the human factor. This includes violations of labor regulations, carelessness and inattention on the part of employees. Numerous researchers examine the elements that comprise this concept, with their investigations primarily centered on the personal psychological traits of workers. Nevertheless, it is often overlooked that the structure of the work

² **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

environment still necessitates the formation of teams, each with its own distinct features, standards, and regulations, including those pertaining to safety. To address this issue, the Theory of Planned Behavior can be employed, which integrates both personal traits of employees and collective standards within the framework of “intentions.”

Keywords: psychology of security, belief, behavior, trauma, violations, human factor.

Техники нейтрализации как способы оправдания преступного поведения

Сведения об авторе: Эльдиев Хасан Хамзатович, аспирант 2-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия)¹.

Аннотация. Работа посвящена анализу механизмов нейтрализации в контексте психологии и криминологии. Рассматривается концепция нейтрализации как способа рационализации преступной деятельности, описывается, как преступники могут использовать эти техники для уменьшения чувства вины и нейтрализации конфликта между своими поступками и общепринятыми нормами. Подчеркивается значимость изучения механизмов нейтрализации для разработки программ превентивных мер и реабилитации преступников, особенно в контексте отсутствия подобных исследований в российской научной литературе.

Ключевые слова: нейтрализация, рационализация, техники нейтрализации, преступник, оправдания, чувство вины, преступное поведение.

Одной из главных проблем, с которыми мы сталкиваемся в нашем обществе, является преступное поведение. Почему люди оправдывают свои преступления? Что побуждает их к таким действиям? Такие вопросы волновали ученых, и результаты исследований в области психологии преступного поведения предлагают некоторые интересные ответы.

¹ **Научный руководитель:** Зотова Ольга Юрьевна, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

По мнению Кэролайн Ф. Курази, парадигма «теории нейтрализации» возникла на основе исследований в области криминологии и девиантной социологии [3].

Нейтрализация, также называемая рационализацией, определяется Ш. Маруной и Х. Коупсом как оправдания девиантного поведения [6]. Классическое изложение этой позиции содержится в теории дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда, которая утверждает, что преступное или делинквентное поведение включает в себя усвоение:

- техники совершения преступлений;
- мотивы, побуждения, рационализации и установки, способствующие нарушению закона.

Объясняя, как изучаются преступления «белых воротничков», в 1941 году Э. Сазерленд утверждал, что рационализация является основным средством, с помощью которого менеджеры пытаются оправдать совершенные ими преступления. В процессе сознательного самообсуждения преступники уговаривают себя совершить преступление, делая преступление приемлемым [8].

В ходе исследования, проведенного среди казнокрадов, Д. Кресси обнаружил, что они рационализировали свое незаконное поведение с помощью «словарей приспособления», таких, как «они только одолжили деньги». Эти вербализации позволяли растратчикам минимизировать очевидный конфликт между их поведением и преобладающими законами и нормами [2].

Пытаясь раскрыть корни подростковой преступности, социологи М. Сайкс и Д. Маца в 1957 году в своей статье впервые предложили «теорию нейтрализации», согласно которой правонарушители защищают свою самооценку и нейтрализуют самообвинение, используя лингвистические приемы, чтобы убедить себя в том, что в их нынешней ситуации допустимо поведение, которое традиционно считается аморальным [1].

Однако М. Сайкс и Д. Маца, в отличие от Э. Сазерленда, Д. Кресси и др., предпочли использовать термин «нейтрализация» для обозначения оправдания перед совершением преступления, вместо термина «рационализация», который относится к оправ-

данию, данному после совершенного преступления. Социальный контроль, который служит для проверки или подавления девиантных мотивационных паттернов, становится недейственным, и индивид получает возможность проявлять делинквентность без серьезного ущерба для своего самовосприятия [9]. М. Сайкс и Д. Маца в своей статье называют эти оправдания девиантного поведения техниками нейтрализации и считают, что эти техники составляют важнейший компонент «определений, благоприятствующих нарушению закона». Они разделили эти техники на пять основных типов [9]:

1. *Отрицание ответственности.* В той мере, в какой преступник может определить себя как не несущего ответственности за свои преступные действия, неодобрение себя или других резко снижается в качестве сдерживающего влияния. Однако техника нейтрализации, отрицание ответственности простираются гораздо дальше, чем утверждение, что преступные действия – это, например, «несчастный случай». Можно также утверждать, что преступные действия вызваны силами, находящимися вне человека и не поддающимися его контролю, например, нелюбящими родителями, плохими товарищами или трущобным районом.

2. *Отрицание вреда.* Эта техника нейтрализации связана с травмой или вредом, причиненным преступным деянием. Как мы знаем, уголовное право давно проводит различие между преступлениями, которые сами по себе неправильны, и действиями, которые незаконны, но не аморальны. Преступник может провести такое же различие при оценке противоправности своего поведения. Однако для преступника противоправность может зависеть от того, был ли кому-то нанесен явный вред его действиями, а этот вопрос можно трактовать по-разному. Например, преступник может расценить вандализм как «шалость», потому что, в конце концов, можно утверждать, что люди, чье имущество было повреждено, могли себе это позволить. Аналогично, угон автомобиля может рассматриваться как «заимствование», а драка между бандами – как частная ссора, согласованный поединок между двумя желающими, и поэтому драка не имеет никакого значения для общества в целом.

3. *Отрицание жертвы.* Даже если преступник принимает на себя ответственность за свои действия и готов признать, что его преступные действия связаны с травмой или увечьем, моральное негодование его самого и окружающих может быть нейтрализовано убежденностью в том, что травма не является неправильной в свете сложившихся обстоятельств. Можно утверждать, что травма на самом деле не является травмой; скорее, это форма законного возмездия или наказания. Путем тонких манипуляций преступник переводит себя в позицию мстителя, а жертву превращает в обидчика. К примеру: «Он сам этого заслужил», «Сам полез» и т. д. Таким образом, отрицание существования жертвы путем превращения ее в человека, заслуживающего травмы, – это крайняя форма явления, о котором автор уже упоминал, а именно признание преступником подходящих и неподходящих целей для своих действий. Кроме того, существование жертвы может отрицаться преступником в несколько ином смысле, в силу обстоятельств самого преступного поступка. Если жертва физически отсутствует (как это часто бывает в преступлениях, совершенных против собственности), то осознание ее существования ослабляется.

4. *Осуждение осуждающих.* Четвертая техника нейтрализации, согласно которой, преступник переносит фокус внимания со своих собственных девиантных поступков на мотивы и поведение тех, кто не одобряет его нарушений. Он может утверждать, что осуждающие его люди – лицемеры, замаскированные преступники или люди, движимые личной злобой. Такая ориентация на конформный мир может иметь особое значение, когда она перерастает в горький цинизм, направленный против тех, кому поручено следить за соблюдением или выражением норм доминирующего общества. «Полиция коррумпирована, глупа и жестока», «Они сами это придумали» и т. д.

5. *Призыв к высшей лояльности.* И наконец, пятая техника, предполагает, что внутренний и внешний социальный контроль у преступника может быть ослаблен за счет превышения предписаний и ожиданий большого общества над требованиями и

ценностями малых социальных групп, к которым принадлежит преступник, таких как семья, банда, друзья и другие.

Необходимо подчеркнуть, что преступник не всегда отвергает законы господствующей нормативной системы, хотя и не следует им постоянно. Скорее, он воспринимает себя как человека, оказавшегося перед сложной дилеммой, когда он вынужден делать выбор, который, к несчастью, приводит к нарушению закона. Конечно, конфликт между требованиями дружбы и требованиями закона – это общепризнанная человеческая проблема. Если преступник часто решает свою дилемму, настаивая на том, что он должен «всегда помочь приятелю» или «никогда не наступать на друга», даже когда это ставит его в серьезные затруднения с доминирующим социальным порядком, его выбор для нас очевиден.

Один из аспектов этой ситуации был изучен С. Стоуфером и Дж. Тоби. Они исследовали конфликт между требованиями дружбы и общими социальными обязательствами. Их результаты позволяют предположить, что можно классифицировать людей в зависимости от предрасположенности к выбору того или иного положения в ролевом конфликте [7].

Как пишут Ш. Маруна и Х. Коупс, эти пять типов техник нейтрализации, также известные как знаменитая пятерка, широко использовались в различных областях. В то же время было обнаружено множество других новых методов. Впрочем, авторы предупреждают: поскольку многие техники частично совпадают, это может стать причиной противоречивых результатов исследований и создать проблемы для будущих исследователей [6]. Причем, И. Фриче предполагает, что, поскольку эти различные техники «не предлагают ни теоретически обоснованной таксономии, ни исчерпывающего списка», существует риск произвола при выборе методов для изучения с целью их использования и влияния [4].

Однако важно обратить внимание на более позднее исследование М. Каптейна и М. Хельвоорта, которые в своей статье, основываясь на научных трудах М. Сайкса и Д. Маца, учли их недостатки и решили устранить риски произвола и несогласованности в способах названия и выбора техник нейтрализации. Они

разработали модель, которая охватывает техники нейтрализации, выявленные на данный момент, и группирует эти нейтрализации в непересекающиеся категории техник [5].

Можно сделать вывод, что именно в результате усвоения этих техник человек оправдывает свои преступления. Углубленный анализ этих техник может помочь не только понять механизмы рационализации преступного поведения, но и разработать эффективные методы профилактики и реабилитации преступников в нашем обществе. Необходимость исследований в этой области становится явной в свете отсутствия достаточного количества научных работ, посвященных анализу техник нейтрализации в российской научной литературе.

Список литературы

1. Andrews D. A., Bonta J. *The Psychology of Criminal Conduct*. Newark : Matthew Bender & Company, 2006. 584 p.
2. Cressey D. R. *The Criminal Violation of Financial Trust* // *American Sociological Review*. 1950. Vol. 15 (6). P. 738–743.
3. Curasi C. F. *The Relative Influences of Neutralizing Behavior and Subcultural Values on Academic Dishonesty* // *Journal of Education for Business*. 2013. Vol. 88 (3). P. 167–175.
4. Fritsche I. *Predicting Deviant Behavior by Neutralization: Myths and Findings* // *Deviant Behavior*. 2005. Vol. 26 (5). P. 483–510.
5. Kapteyn M., van Helvoort M. *A Model of Neutralization Techniques* // *Deviant Behavior*. 2019. Vol. 40 (10). P. 1260–1285.
6. Maruna S., Copes H. *What Have We Learned from Five Decades of Neutralization Research?* // *Crime and Justice*. 2005. Vol. 32. P. 221–320.
7. Stouffer S. A., Toby J. *Role Conflict and Personality* // *Toward a General Theory of Action* / ed. by T. Parsons, E. A. Shils. Cambridge : Harvard University Press, 1951. P. 481–496.
8. Sutherland E. H. *Crime and Business* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1941. Vol. 217 (1). P. 112–118.
9. Sykes G. M., Matza D. *Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency* // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22 (6). P. 664–670.

Neutralization Techniques as Ways to Justify Criminal Behavior

About the author: El'diev Khasan Khamzatovich, a second-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia)².

Abstract. This work focuses on analyzing the mechanisms of neutralization within the context of psychology and criminology. The author explores the idea of neutralization as a way for criminals to justify their actions and explains how they can employ these strategies to alleviate their feelings of guilt and the tension between their actions and societal standards. The significance of studying neutralization techniques for the development of preventive measures and rehabilitation programs for offenders is highlighted, particularly in the absence of such research in Russian academic publications.

Keywords: neutralization, rationalization, techniques of neutralization, criminal, excuse, guilt, criminal behavior.

² **Scientific supervisor:** Zotova Olga Yurievna, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor in Psychology, Associate Professor, Professor at Social Psychology Chair of Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Участники V региональной научно-практической конференции молодых ученых «Цифровизация и вопросы обеспечения психологической безопасности»

Апанович Татьяна Михайловна, соискатель ученой степени кандидата психологических наук, Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград, Россия).

Бурмако Андрей Константинович, аспирант 3-го года обучения направления «Общая психология, история психологии и психология личности» кафедры общей психологии и психологии труда Гуманитарного института Российского нового университета (г. Москва, Россия).

Григорян Эмма Ариуновна, магистрант 2-го года обучения направления «Цифровая филология» Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Белгород, Россия).

Загвозкина Елена Дмитриевна, магистрант 1-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Зеленцов Ярослав Владимирович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Коробов Илья Станиславович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Ледеянкина Елизавета Евгеньевна, аспирант 1-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Матвеева Мария Владимировна, аспирант 1-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Никонова Ольга Сергеевна, магистрант 1-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Рачёва Ксения Андреевна, студентка 3-го курса направления «Реклама и связи с общественностью» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Рычков Андрей Михайлович, магистрант 3-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Селиванов Алексей Евгеньевич, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, политическая и экономическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Степанов Сергей Владимирович, магистрант 3-го года обучения направления «Психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Филоненко Евгений Алексеевич, аспирант 1-го года обучения направления «Педагогика» Института педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, Россия).

Шафигуллин Рустам Ринатович, аспирант 2-го года обучения направления «Социальная психология, экономическая и политическая психология» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия), младший научный сотрудник, ЧУ ФНПР «Научно-исследовательский институт охраны труда» (г. Екатеринбург, Россия).

Эльдиев Хасан Хамзатович, аспирант 2-го года обучения направления «Юридическая психология и психология безопасности» факультета социальной психологии Гуманитарного университета (г. Екатеринбург, Россия).

Participants of the V Regional Scientific and Practical Conference of Young Scholars «Digitalization and Challenges of Ensuring Psychological Security»

Apanovich Tatiyana Mihailovna, an applicant for a Cand. Sci. in Psychology degree, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia).

Burmako Andrey Konstantinovich, a third-year post-graduate student in the field of General Psychology, History of Psychology and Personality Psychology, General Psychology and Psychology of Labor Department, Institute for the Humanities of Russian New University (Moscow, Russia).

El'diev Khasan Khamzatovich, a second-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Filonenko Evgeniy Alekseevich, a first-year post-graduate student in the field of Pedagogy, Institute of Pedagogy, Herzen University (St-Petersburg, Russia).

Grigoryan Emma Artsrunovna, a second-year Master's student in the field of Digital Philology, Belgorod National Research University (Belgorod, Russia).

Korobov Iliya Stanislavovich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Ledyankina Elizaveta Evgenievna, a first-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Matveeva Mariya Vladimirovna, a first-year post-graduate student in the field of Legal Psychology and Psychology of Security, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Nikonova Olga Sergeevna, a first-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Rachyova Kseniya Andreevna, a third-year PR & Advertising student, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Rychkov Andrey Mikhailovich, a third-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Selivanov Aleksey Evgenievich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Shafigullin Rustam Rinatovich a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia), junior researcher, Research Institute for Labor Protection (Yekaterinburg, Russia).

Stepanov Sergey Vladimirovich, a third-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Zagvozkina Elena Dmitrievna, a second-year Master's student in Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Zelentsov Yaroslav Vladimirovich, a second-year post-graduate student in the field of Social Psychology, Political and Economic Psychology, Social Psychology Faculty, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Научное издание

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Материалы V региональной научно-практической
конференции молодых ученых

5–6 декабря 2024 г.

Редактор Е. А. Цепелева
Компьютерная верстка Ю. Л. Ракульцева

Подписано к изданию 30.12.2024.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 8,02.

АНО ВО «Гуманитарный университет»
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3
Лицензия № 2114 от 26.04.2016